

18+

АРКАДИЙ АФОНИН

ЗОЛОТОЙ ГОРОД

Возвращение
Мирров

Аркадий Афонин
**Золотой город.
Возвращение мирров**

«Издательские решения»

Афонин А.

Золотой город. Возвращение мирров / А. Афонин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513636-7

Эта книга-фэнтези рассказывает о вечном противостоянии добра и зла. Жестокие жады коварством и хитростью поработили честных мирров. Странствующий художник Арни попадает в таинственный город, где находит друзей и силой своего таланта и волшебной кисти освобождает город от армии вотров во главе с хитрым и жадным мэром Пирром.

ISBN 978-5-00-513636-7

© Афонин А.
© Издательские решения

Содержание

ЗОЛОТОЙ ГОРОД ВОЗВРАЩЕНИЕ МИРРОВ	6
*****	8
*****	20
*****	23
*****	28
*****	32
*****	34
*****	36
*****	38
*****	41
*****	43
*****	46
*****	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

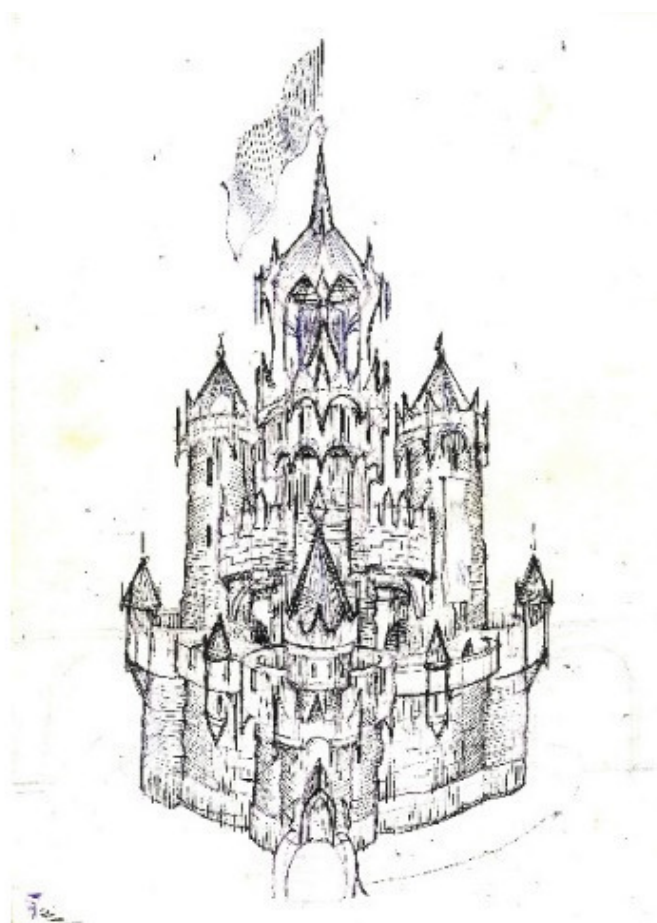
Золотой город. Возвращение мирров

Аркадий Афонин

© Аркадий Афонин, 2020

ISBN 978-5-0051-3636-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нью-Дели
2018

ЗОЛОТОЙ ГОРОД ВОЗВРАЩЕНИЕ МИРРОВ

Серые скалы, обожжённые яркой, пылающей звездой, росли на глазах и медленно раступались, как огромные каменные идола, которые тяжело вдыхали горячий воздух жгучих песков. Навстречу им, подгоняемые ветром, плыли и пересыпались бесконечные волны пустыни. Они поглощали все на своем пути, и только эти скалы стояли неприступными островами в огромном, бескрайнем сыпучем море. Они разбивали эту желтую массу на маленькие ручейки, не давая им свободы и простора. Песок, пересыпаясь, переливался и медленно катился дальше между скал, теряя свою силу.

По одному из таких ручейков, как маленькое суденышко, медленно плывущее вверх, шел молодой человек. Тяжело ступая по песку, он не обращал внимания на горячий ветер, обсыпаящий его лицо золотым, сияющим песком, срывающий с его головы шляпу, терзающий длинный двухцветный плащ. Обойдя несколько высоких камней, напоминавших бредущих старцев, юноша наконец вышел из лабиринта скал и оказался посреди пылающей от жары пустыни.

Молодой человек шел вперед, не задумываясь, куда и зачем. Его глаза пристально оглядывали незнакомые места, а привыкшие к странствиям ноги вели всё дальше и дальше.

На плече юноши, как талисман, сидела маленькая птица, сияющая ярким, как звезда, опереньем. Днем, когда палящая Рочия входила в зенит, птица слетала с его плеча и пряталась под широкий воротник его белоснежной рубахи, щебеча ему на ухо незатейливую песню. Иногда она вылетала из своего убежища и, покружив над головой странника, летела вперед, показывая ему дальнейший путь. Молодой человек следовал за ней, негромко насвистывая знакомую только им мелодию.

Иногда юноша опускался на колено и осматривал что-то, заинтересовавшее его взгляд, даже если это был всего лишь камень необычной формы, напоминающий надувшегося малыша, или маленький сучок, похожий на руку танцовщицы. Он тут же начинал рассказывать своему спутнику историю про этого малыша, который своим дыханием разгоняет горячие пески, чтобы освободить юную девушку, захваченную свирепым духом пустыни. Так они продолжали свой путь.

Юноша с любопытством смотрел вокруг, радуясь и маленькой быстроногой ящерице, проскользнувшей между его ног, и длинноногому пауку, быстро перебирающему тонкими лапками-веслами по песку. Иногда его лицо озарялось, и он присаживался, доставал из своего деревянного ящика лист бумаги, кусок угля и начинал рисовать быстро и взволнованно то, что ему понравилось. Рука легко скользила по белоснежному бархату бумаги, следуя за его взглядом.

После быстрых зарисовок он вставал и снова шел навстречу яркой звезде и ветру, который трепал его длинные темные волосы, алый шарф и зеленый, как молодая трава, плащ.

Пройдя еще немного, юноша поднялся на один из самых высоких барханов и огляделся. Впереди, там, где сливается небо с землей, он увидел странное видение, мираж, напоминающий огромный серый гриб, над которым сияла Рочия.

Путь туда был не близок, а желание рассмотреть это чудо огромно. Молодой человек поспешил вперед. Вдруг в двух шагах от себя он заметил блеск металла. Он опустился на колено, чтобы рассмотреть странный, обжигающий своим сиянием предмет, но внезапный порыв ветра подхватил диск и отбросил его на несколько шагов. Юноша поднялся и поспешил за находкой. С каждой секундой его шаги убыстрялись. Сильный ветер все мощнее и настойчивее толкал его в спину. Наконец молодой человек настиг диск, схватил его и потянул к себе. Внезапно под диском появилась маленькая воронка, которая начала расти. Воронка всё увеличивалась и увеличивалась, и наконец достигла таких огромных размеров, что засосала юношу со всей его поклажей в свою утробу. Он стремительно понесся по темному тоннелю, как легкая

песчинка, пытаясь, хотя бы за что-то ухватиться. Но все было бесполезно. Сознание его помутилось, он был как во сне. Видения, странные птицы кружились вокруг, змеи опоясывали его тело, и во всем этом он будто тонул. Молодой человек очнулся, сжимая в своей руке странный диск, на котором две ящерицы бегали друг за другом,

желая схватить хвост соперницы. Их тела были оплетены тончайшей металлической паутиной. Вещь была столь искусно выполнена, что юноша еще долго не мог оторвать свой взгляд от этого чуда. Его сознание будто засасывалось в эту спираль, в этот странный диск. Только пение птахи разбудило его, и он смог оторвать взгляд от своей находки.

Юноша оказался не у серого, как ему казалось гриба, к которому он стремился, а у высоких городских стен. Над его головой угрожающее висела огромная грозовая туча.

Путник поднялся с песка и стал с интересом рассматривать серые, как будто вымазанные сажей, ворота. Вдруг его руку что-то обожгло. Юноша посмотрел на свою находку, и в ту же секунду городские ворота со скрежетом приоткрылись, обнажив безликие, едва видимые сквозь туман или дымку строения.

Город был мертв. Путник протер глаза своим шарфом, не веря тому, что видел. Но наваждение не пропадало. Пелена продолжала застилать его глаза. Дома, как будто сотканые из миллиарда мелких капель, колебались и вздрагивали. Они словно дышали. Казалось, дунь, и это виденье пропадет. Вокруг стояла странная, ничем не нарушаемая тишина. Мираж, увиденный юношей, не исчез, он только приблизился и будто наплывал на него.

Не было слышно ни единого звука, кроме неприятного, едва уловимого шипения и легкого треска. Путник осторожно ступил в пределы города, еще не зная, что его ждет. Город поглотил его.

ТУМАН

Ни один странник, ни один житель ни разу не вышли за пределы чёрных стен этого странного города посреди пустыни.

Как только юноша сделал шаг и пересек невидимую границу, тяжелые ворота за его спиной зловеще заскрежетали и с глухим грохотом захлопнулись, превратившись в каменную стену без единого просвета. Стоявшие вблизи дома задрожали и заколебались, как туман от дуновения ветра. Путнику показалось, что перед ним огромный грязный холст – потертые и потрепанные временем декорации к странному представлению.

Юноша, осторожно ступая, двинулся дальше и оказался в центре узкой улицы, в сером непроницаемом тумане, низко парящем над мостовой. Он коснулся рукой ближайшей стены. Его пальцы покрылись неприятной, маслянистой сажей, от которой невозможно было избавиться.

«Что за странный город? – подумал юноша. – Ни одного светлого пятна». Размышляя так, он продолжал свой путь, разглядывая серые дома и удивляясь тому, что улицу разделяет каменная, очень высокая стена. Казалось, будто идешь по дну очень глубокого ущелья и скалы накрывают и поглощают тебя. Стена превращала улицу в два узких прохода, где с трудом могли разъехаться два всадника. Молодой человек двигался дальше уже по пояс в лиловом тумане. За все то время, пока он находился в городе, Рочия, голубая в этой части света, ни разу не коснулась своим светом его лица: так высоки были стены, узка улица и низка тяжелая туча. Ему показалось, что звезды где-то бесконечно далеко. У него возникло жгучее желание взобраться на эту высокую стену, ближе к голубому небу,

от которого его отделяли темные грозовые тучи, повисшие над городом. Оглядывая мертвый, неуютный город, путник размышлял, куда его может завести эта дорога. Спросить было не у кого. Лишь холодный назойливый ветер поднимал облака пыли среди неподвижного лилового тумана, срывал с головы его шляпу, путал волосы, как будто злясь на него и пытаясь выгнать из мрачного лабиринта.

Ветер, как попавший в плен зверь, носился по узким улочкам, сбивая с ног и опрокидывая все, что попадалась ему на пути, в поисках выхода. Не находя его, он бился о стены домов, срывая ставни, которые стучали и скрежетали, как старые засохшие от времени флаги.

Но ни этот ветер, ни туман, постепенно поднимавшийся выше, ни глухие звуки, наводившие ужас, – ничто не могло остановить молодого человека. Он заметил впереди меж домов просвет и поспешил к нему.

Юноша шёл, вглядываясь в черные, слепые окна домов, в надежде увидеть свет и живое лицо. Но в закопченных окнах он видел только свое серое отражение и яркий свет оперенья своего спутника. Птаха испуганно прижалась к его воротнику и больше не щебетала.

Скоро перед ними предстала длинная площадь, показавшаяся огромной после того узкого прохода, из которого они вышли. Здесь было больше света. Туман, так долго сопровождавший юношу, пропал и будто затаился в тени улицы. Путник снял шляпу и поднял лицо к небу, прищурился, глядя на пробивающийся сквозь тучи обжигающий свет Рочии. Он несколько мгновений не двигался, давая возможность ветру поиграть с его темными кудрями.

Площадь напоминала половинку огромного циферблата и как будто светилась изнутри, высвечивая высокую серую башню, стоящую в центре, а вместе с ней и стены, разделяющие площадь и город на равные части. Стены особенно раздражали путника.

«Площадь звездных часов, – прошептал юноша, оглядываясь вокруг. – Интересно, кому в голову пришла столь глупая мысль поставить эти стены посреди улиц и площади?»

А может, здесь обитают странные существа, от которых необходимо защищаться?» Ответа на эти вопросы он не знал, и он подошел ближе к башне с желанием осмотреться и, может быть, попасть внутрь её, чтобы посмотреть на город сверху.

«Нужно из этого мрачного лабиринта создать что-то другое, – вновь подумал юноша, внимательно оглядывая площадь. – Снести серые стены, а вместо черно-белого штандарта на крыше башни установить золотой, сияющий шпиль, чтобы в час звездостояния здесь, у подножия башни, собирались горожане, а Рочия вращалась вокруг этого шпиля и собирала в свой хоровод всех жителей, которые, может быть, еще остались в этом странном мертвом городе.

В эту минуту он снова обратил внимание на штандарт, висящий на башне. Рисунок показался ему очень знакомым. Мысли его вновь поплыли, но тут, к счастью, сквозь глухое шипение, доносившееся из каждой улочки, он услышал топот быстрых шагов, а вскоре уже увидел бегущих среди тумана, часто озирающихся мальчишек. Их трудно было заметить в серых, как окружающие стены, одеждах. Только

живые, испуганные лица с искрящимися глазами выделяли их.

Вели себя они очень странно, подобно бьющейся о берег волне: то весело прыгали и шалили, но без звука, как немые, то замирали и испуганно смотрели вверх на зубцы стен, будто боясь, что их кто-то заметит.

Молодой человек тоже посмотрел вверх на стену, по которой, как оказалось, ходил вооруженный человек в шлеме, украшенном чёрными и белыми перьями. Стражник то исчезал, то появлялся у края стены, внимательно озирая площадь и улицы. Как только его перья пропадали за каменным частоколом стены, ребята начинали прыгать и возиться друг с другом. Наконец сорванцы заметили путника и замерли, не зная, что предпринять. Однако увидев его улыбающееся лицо и очень яркую одежду, поспешили окружить незнакомца. Правда, стояли они на почтенном расстоянии, внимательно осматривая незнакомца издали и ожидая его действий.

Путник улыбался, разглядывая чумазные лица детей, и те в ответ тоже заулыбались, совсем забыв о стражнике на стене. Они стали осторожно подходить ближе к молодому человеку. Один из них, видимо, самый смелый, даже посмел коснуться его одежды.

– Почему твоя шляпа такого странного цвета? Плащ как добрые глаза тетюшки Цици, а шарф как железо, нагретое в горне дядюшки Плэя? – спросил после небольшой паузы этот боевой мальчишка с измазанным в саже лицом и белыми кудряшками пыльных волос.

Путник удивился его странным вопросам. Мальчишка даже не знал названия цветов.

«Может, они просто шутят?» – подумал он. Однако по лицам детей было видно, что они действительно удивлены и восхищены его костюмом. Мальчишки с нетерпением ждали ответов.

– Хорошо, ребята, – сказал молодой человек, – расскажу вам, кто я такой и почему на мне такая одежда.

Он снял с одного плеча большой плоский ящик на кожаном ремне, а с другого плеча небольшой холщовый мешок.

– Я путник, случайно зашедший в ваш город после долгого путешествия по миру. Я обошел много прекрасных и удивительных мест, и в каждом из них добрые люди дарили мне вещи, которые сопровождают меня в моих странствиях. Я украшаю жилища своими работами и красками. Делаю все, что меня окружает, красивым. Превращаю скучное в веселое, серое – в цветное, мертвое – в живое!

– Ты МАГ? – удивились ребята, широко открыв глаза и не совсем понимая смысла его слов.

– Нет, я Художник! – сказал он, доставая из мешочка на поясе маленькую кисть, кончик которой все время менял свой цвет от

голубого до малинового. Глаза мальчишек от удивления загорелись. Такого они никогда не видели. Путник стал раскрашивать их носы. Грязные физиономии мальчишек превратились в разноцветные маски с огромными цветными носами.

Эти превращения так развеселили ребят, что они начали хохотать, указывая друг на друга пальцами, и бегать вокруг незнакомца.

Когда они успокоились, путник продолжил:

– Я художник и потому не люблю безликые, серые стены. Ваш город пуст и печален.

А на мне голубая, как небо, шляпа, – сказал он, снимая ее со своей головы, зеленый, как трава, плащ и алый, как огонь, шарф.

– Трава? – спросили удивленные мальчишки.

– Вы не знаете, что такое трава и листья?

– Нет! – загалдела вся дружная компания.

Тогда молодой человек наклонился и провел своей удивительной кистью у самой земли. В тот же миг меж камней появился маленький нежно-зеленый росток, который устремился вверх, за кистью. Он покачивал своей головкой, будто здороваясь со всеми, и каждое следующее мгновение на его стебле появлялись все новые и новые нежно-зеленые листочки.

Мальчишки с восхищением присели и замерли, не отводя взгляда от этого чуда. Они с опаской стали подносить свои тонкие пальцы к маленькому, тянущемуся к небу ростку, который ласкал их грязные ладони своими листьями.

Художник продолжил свой рассказ:

– Я всю жизнь путешествую, брожу вслед за звездами и ветром, смотрю и рисую все, что вижу. По моим рисункам можно узнать мир: увидеть реки, горы, леса и животных, обитающих в них. У меня нет дома: он просто не поместился бы в мою котомку, – пошутил художник, – и потому, когда ночь застает меня в дороге, все, что мне нужно, это шарф под голову и плащ на тело. Мой дом – моя одежда. Моя шляпа – это крыша, плащ – постель. Когда я ложусь спать в лесу или в степи, то укрываюсь зеленой стороной плаща, чтобы утром, когда птицы запоют свои песни и начнут рассказывать друг другу свои сны, а животные потягиваться и кувыркаться на зеленой полянке в утренней росе, мой плащ не испугал их. Я лежу и слушаю их истории, узнаю все свежие новости.

С этими словами он достал из своего загадочного ящика лист бумаги с нарисованными птицами, и мальчишки с интересом окружили его, стараясь разглядеть новое за сегодняшний день чудо.

– И они не боятся тебя? – удивились мальчишки, пораженные его рассказом.

– Нет. Часто звери и птицы собираются возле меня, чтобы поделиться своей радостью и печалью, и если они жалуются или чего-то просят, то я помогаю им, чем могу: достаю олененка, попавшего в яму, сажаю выпавшего птенца в гнездо.

И как только он это сказал, в тот же миг из-под воротника его рубахи выпорхнул яркий, слепящий глаза комок. Птица – свет, переливаясь, весело щебеча мелодию, перелетела с одного плеча художника на другое. Путник едва слышно просвистел что-то, и она успокоилась, лишь иногда подрагивая от волнения своим длинным хвостом и сияющим хохолком.

Мальчишки с еще большим восхищением уставились на художника и на его маленького спутника.

– Знакомьтесь, это Клик – мой будильник и проводник. Он просыпается с первыми лучами Рощи и всегда помогает мне в пути, – приподнимая шляпу, сказал художник и погладил мизинцем хохолок птахи.

– А как ты понимаешь Клика и других животных? – спрашивали удивленные сорванцы.

– Я очень хочу понять и понимаю, – ответил путник. – Тем более, что я все время общаюсь только с животными и подолгу не вижу людей. Да разве вы сами без слов, только по взгляду, не можете понять друг друга?

Мальчишки одобрительно закивали.

– А почему у тебя такой странный плащ? – спросил самый шустрый из мальчишек, заметив, что внутренняя сторона плаща другого цвета.

Юноша продолжил рассказ:

– Бывают дни, когда я путешествую по жёлтым пескам. И вот тогда я накрываюсь внутренней стороной плаща и сливаюсь с жаркими барханами, а утром нахожу рядом с собой ящериц, степных птиц и змей.

– Они не трогают тебя? – удивлённо переглянувшись, спросили мальчишки.

– Нет, ведь я не делаю им ничего плохого.

Тут лица беспечных мальчишек изменились.

– Змеи города куда страшнее! – испуганно прошептали они и стали с опаской озирать тучи над их головой. Но самый смелый мальчуган быстро успокоился и вновь обратился к художнику, с восторгом глядя на Клика:

– А зачем тебе такая шляпа?

Путник поднял голову вверх. Над городом все так же висели тяжелые, серые тучи, и их покрывало заглушало глубину синего неба. Сумрак накрывал город и усиливал и без того печальные оттенки.

Мальчишки тоже задрали головы, пытаясь что-то разглядеть в вышине.

– Когда вам плохо и когда хорошо, когда грустно и весело, смотрите в небо, – проговорил художник, – и вы поймете, почему я ношу свою шляпу. Вы смотрите вверх и видите серое грустное небо, а я – синеву широких полей моей шляпы. В странствиях бывают такие же серые дни, когда совсем не весело. Тогда я опускаю поля своей шляпы низко на глаза, и вокруг меня простирается нежная синева неба. Моя шляпа, как чистое небо, даёт мне силы. Вечером, когда я ложусь спать, всегда кладу ее рядом, чтобы утром, как из маленького родника, умыться ее голубым светом. Мое тело наполняется свежестью и радостью. Вот почему я никогда не расстаюсь со своей небесной шляпой.

Мальчишки, задрав голову, заморожено смотрели вверх, стараясь понять, о чем говорит художник. Огромная туча над городом была серой и бесцветной. Она всегда пугала их, извергая бесформенные сгустки из своей серой массы. Яркие всполохи молний блистали сквозь неё и со зловещим шипением каждую секунду рвали эту огромную тучу в клочья.

Они еще долго смотрели вверх, удивленные и поражённые рассказом нового знакомого, не совсем его понимая.

– Вы долго расспрашивали меня, – прервал молчание художник, – а теперь ответьте, что это за город, кто в нем живет и где здесь мог бы найти приют уставший путник?

Мальчишки, перебивая друг друга, стали объяснять, что это Пиррштад – один из самых больших городов королевства и главный среди городов – мастеров.

Последний вопрос их удивил: они не знали, как на него ответить. За все время, что они жили и помнили себя, ни один гость не посетил их город и не общался с ними. К мэру в большие праздники приезжали важные гости из столицы, но все они оставались на ночлег в замке. Для богатых гостей были парадные ворота и своя дорога, которая проходила прямо по высокой стене, разделяющей город, в крепость. Ребята, не сговариваясь, стали показывать в сторону чёрного замка и высокой башни, как будто облитых черной, блестящей смолой, еще более мрачных, чем сам город. Они ядовито поблескивали на фоне серого, сумрачного неба.

С площади башня казалась чёрной громадной свечой, глядящей на город очень узкими и невероятно высокими окнами, с черно – белым флагом, развевающимся на ее шпиле.

Только теперь художник обратил свое внимание на замок, раньше казавшийся ему просто большой черной вершиной горы. Сейчас же, увидев флаг, художник присмотрелся внимательнее и разглядел, как ему показалось, в черном пятне огромную хищную птицу, севшую на край каменного гнезда и распластавшую свои огромные крылья. Казалось, она держала во власти

все, и ни одно движение в городе не ускользало от взгляда оконных щелей, внимательно следивших за всем происходящим.

Художник и ребята внимательно рассматривали замок. В их глазах была тревога. Она закралась в души стоящих на площади, и никто не нарушал молчания. Все, сдвинув брови, смотрели вверх на крепостную стену.

И вдруг, как кусок льда, разбившийся рядом со спящим, всех потряс звонкий голос, раздавшийся с городской башни:

Мальчишки испуганно встrepенулись и попытались спрятаться за спину художника. Как они могли забыть об опасности? Самый старший из ребят шепнул путнику:

– Надо бежать. Если он махнет своим копьём, то на площади появятся стражники Пирра и схватят нас. Тогда мы уже никогда не увидим друг друга.

Но стражник почему-то не торопился махать копьём и стоял, надеясь, что его слова сделали свое дело и нарушители спокойствия как обычно разбегутся.

То, что произошло дальше, поразило стражника больше, чем сборище детей вокруг незнакомца в яркой одежде. Вместо того чтобы

разбежаться в разные стороны, как бывало раньше, мальчишки остались стоять на своих местах. К тому же, в ответ он услышал дерзкое к себе обращение, как будто с ним говорил начальник городской стражи.

– Я не привык бегать, – заговорил художник так, чтобы его услышал вояка на стене. – Я свободный человек, и никто не смеет приказывать мне, что делать и куда идти! Как ты смеешь так обращаться к гостю города? Или тебе надоело занимать свой пост, грея железный котелок на своей макушке? Ты хочешь с этой башни попасть в крепость? – грозно спросил художник, указывая рукой с горящим диском в сторону развевающегося черно – белого флага.

Эти слова, а главное уверенный жест и диск незнакомца, так сильно подействовали на стражника, что он побелел, как перья на его шлеме, и стал усердно кланяться и извиняться, объясняя, что не сразу узнал такого важного гостя:

Я признаюсь честно вам

В том, что стражники Пиррштада

Очень рады всем гостям.

– Мне так не показалось, – ответил смелый путешественник. – Только эти юные господа, не жалея драгоценного времени, согласились показать мне ваш город.

Услышав такие речи, окружавшие путника мальчишки разом утерли свои цветные носы и подтянули штаны, всё ещё с опаской поглядывая на охранника. Каждый из них старался принять гордую осанку, но так, чтобы в нужную минуту дать деру с площади.

Стражник ничего не понимал, лицо его вытянулось, глаза широко открылись. Все перепуталось в его голове. Как это так: его, воина городской стражи, называют «железной башкой», а этих оборванцев – господами.

От таких мыслей пот выступил на его лице и покатился под тяжелый панцирь амуниции, неприятно щекоча тело. Чужой огромный шлем съехал ему на уши. Он весь сжался и чувствовал себя очень неудобно, не зная, как себя вести и как разговаривать с незнакомцем, который был очень вызывающе одет и не походил на простолюдина.

Тут ему в голову пришла счастливая мысль задобрить странника и показать гостю город с высоты башни. Он предложил путнику подняться:

– Хорошо, даю тебе возможность показать свое гостеприимство, – согласился художник, понимая, что проникнуть в башню не так просто и совсем не каждый может пройти по столь мрачной городской стене. Сейчас ему очень хотелось посмотреть на город сверху, чтобы иметь представление о его устройстве.

– Но как я смогу попасть к тебе? – спросил путник.

Стражник был доволен, что все закончилось так хорошо для него. Гость уже не так резок с ним и, видимо, не держит на него зла. Он стал показывать рукой на еле заметно выступающий камень у двери башни:

– говорил стражник как можно тише, стараясь, чтобы только гость мог его услышать и понять.

Художник попросил ребят присмотреть за его вещами, а сам приблизился к темной двери и с силой нажал на указанный камень. Тяжелая дверь со скрежетом отворилась. Вход был свободен. Он вошел и замер, увидев в глубине тайного хода огромное каменное изваяние воина с поднятым мечом. Как только молодой человек сделал первый шаг, дверь за его спиной со скрипом закрылась, и в ту же секунду перед его лицом, едва не срезав поля шляпы, пронесся тяжелый каменный меч, острие которого ударило в пол рядом с носками его сапог.

В то же мгновение из того места, куда ударил тяжелый меч, появилось тусклое сияние голубоватого цвета, и художник услышал неприятное шипение, которое усиливалось и заполняло все пространство. Юноша, не желая оказаться жертвой нового нападения, ловко перескочил через меч и поспешил к темной, едва заметной во мраке лестнице.

Слепые глаза каменного идола неожиданно вспыхнули холодным светом, ожили и повернулись в сторону быстро удаляющегося художника, который уже поднимался вверх по узкой винтовой лестнице.

Тусклый свет едва освещал темные изгибы тоннеля и его влажные камни. Спиной художник почувствовал могильный холод и обжигающий взгляд, но не стал оборачиваться, а быстро поднялся вверх.

На крепостной стене, склонив голову и не смея ее поднять, боясь новой вспышки гнева незнакомца, стоял испуганный стражник.

Однако долго он не мог находиться в таком положении, потому что шлем все ниже сползал ему на глаза. Держать шлем рукой было тяжело и неудобно, поскольку в другой руке у него было тяжелое, не по его росту копьё. Неуклюжий стражник избрал более легкий путь и уперся шлемом в копьё, стараясь не смотреть в глаза гостю, чтобы не вызвать его раздражение.

С крепостной стены путник смог рассмотреть все прилегающие к площади улицы. Хотя они походили друг на друга, как близнецы, внимательный взгляд художника сразу уловил различия в некоторых деталях фасадов и крыш, по которым можно было отличить одну улицу от другой. Несмотря на их мрачный вид, можно было понять, что строили их настоящие мастера.

Он еще раз оглядел все окрестные улицы, но, кроме стражника и мальчишек, не увидел ни одного человека.

– А где же горожане? – спросил художник. – Неужели в городе живут одни стражники и дети?

Вояка поспешил его успокоить и опять удивительно складно заговорил:

Художник очень внимательно посмотрел на этого юного, судя по голосу, стражника, но ничего не сказал, потому что с высоты башни рассматривал крепость за его спиной. Как раз в этот момент он смог заметить, что рядом со стенами крепости происходит какая-то суета. Уставшие люди копали ров вокруг крепости.

Мрачный замок и башня притягивали взгляд, но их вид не располагал к веселым мыслям. Черные, с узкими окнами, они напоминали тюрьму. Их окружал высокий забор из огромных темных глыб. С этого места была видна только высокая крыша замка со шпилем. Верхний этаж башни обрамляли ряды балконов, напоминавшие клювы многоголовой птицы. Стены крепости казались еще выше оттого, что перед ней был глубокий ров, в котором копошились люди. Их одежда была пыльная и грязная, как земля в черной канаве. Сразу невозможно было догадаться, что это люди, а не черви. Единственным местом, соединявшим город и крепость, был узкий, переброшенный через ров мост, похожий на кривой палец,

такой черный, что его невозможно было заметить.

Эта открывшаяся глазу художника картина была зловеща и неприятна. Все в ней угнетало и могло любому, даже самому веселому человеку испортить настроение.

Художнику посмотрел в другую сторону, за городскую стену. Пиррштад, как черный мираж, стоял посреди песков, от которых исходил жар. Горячий воздух струился и уплывал вверх, искажая и без того печальную картину. Ни одно растение за стенами не оживляло пейзаж. Только сухие и обгоревшие останки деревьев черными столбами торчали среди песка.

– Лучше бы снесли все эти стены и дома, – проговорил художник, – и то было бы веселей.

Внезапный свист птахи, сидевшей на плече художника, так напугал стражника, что он присел. Шлем еще ниже съехал ему на глаза, и он схватил его двумя руками, забыв о копье, которое тут же упало с таким грохотом, что еще больше напугало вояку, и он стал умолять гостя:

У нас давно под страхом смерти
Запрещено свистеть и петь,
Иначе, будет вам известно,
Мы можем в крепость загреметь.

Художник очень внимательно посмотрел на молодого неуклюжего стражника и, чтобы успокоить, хлопнул его по плечу. Раздался глухой звук стального панциря, который должен был говорить каждому о смелости его владельца. Но мятый и смешной вид стражника не мог вызвать страха. Художнику понравились в этом вояке не его вид и печальные, испуганные глаза, а речи, непривычные и странные для такого железного истукана, каким он представлялся. Первые сказанные им слова удивили путника. Теперь он уже не мог скрывать своего интереса к молодому человеку.

– Да ты прекрасный малый! – заговорил гость, и стражник нерешительно улыбнулся, совсем не ожидая хороших слов в свой адрес от столь необычного гостя.

– Я ещё не видел стражника-поэта с чугунной башкой и черепашьим корсетом. Сними эту кастрюлю с куриными перьями со своей чудесной головы и покажись. Я хочу увидеть поэта!

В глазах стражника появился испуг. Он замер, боясь пошевелиться, как перед казнью, не зная, что отвечать путнику на его непонятное предложение.

– Да ответь мне, пишешь ли ты стихи? – спросил художник, схватив крепкой рукой за перья и поднимая тяжёлый шлем, скрывающий юное и приятное лицо стражника с голубыми, как чистое небо, глазами и светлыми волосами.

– Что? – хватаясь руками за голову и не понимая вопроса, переспросил юноша.

– Да брось притворяться, – уже нетерпеливо, но также весело продолжал молодой человек. – Скажи, как твоё имя?

– Грет, – испуганно сказал стражник, озираясь вокруг. – Грет Простак, – добавил он, пытаясь поднять копье, которое вновь и вновь выскальзывало из его рук.

Художник засмеялся, найдя подходящее его имени и всему его виду рифму:

– Грет – винегрет!

А затем он, подражая стражнику, продекламировал:

– Да знаешь ли ты, светлая голова, что говоришь стихами и никак иначе? И ты далеко не Простак!

Не понимая смысла слов художника, вояка-поэт стал возражать:

Но художник его не слушал:

– Конечно! Конечно, не говоришь. Это – чудо, которое сопровождает тебя и льётся из тебя само, как вода из родника. Ты счастливый человек, не каждому это дается, а ты с этим родился.

Вояка-Простак прервал его речи своей, сбивчивой и неуверенной:

Но вот уже приходит срок.

Сейчас сюда придёт народ.

Чувствуя, что он опять говорит не так, как все остальные, Грет закрыл рот руками и печальными глазами посмотрел на гостя, ожидая, что будет дальше.

– Не стесняйся, не бойся и говори всегда смело! Это прекрасно, когда воин говорит стихами.

В эту минуту речь художника была прервана глухими ударами

колокола, доносившимися из крепости. Несколько минут звон не прекращался, а усиливался и нарастал, как отдаленный гром. Казалось, что вместе с этим звоном начинают дребезжать и все дома в округе. После этого на ближайших улицах слышались едва уловимые в мрачной тишине шаги сотен людей. Город ожил и превратился в живой муравейник. Люди казались серыми куклами, медленно и вяло ползущими к своему мрачному жилищу. Они шагали друг за другом, как заключенные, и так медленно, что, казалось, ещё минута – и все они рухнут под тяжестью своего бремени и уснут крепким бесконечным сном.

торопливо проговорил Грет-Простак, желая быстрее избавиться от гостя, который и так очень задержался на его посту.

– А что произошло? – не понимая такой спешки, спросил художник.

уже не скрывая ужаса почти кричал Грет.

– Ну и что же? – спокойно возразил художник, не понимая, той опасности, которая им угрожает. – Что может сделать этот самый глашатай?

с какой-то безысходной тоской завершил рассказ о возможном будущем стражник.

Только теперь художник понял, какая опасность, грозила Грету, и, не желая причинить ему вреда своей неосторожностью, поспешил водрузить шлем на его голову и покинуть мрачную стену, напоминаящую длинную ногу огромного паука.

Собираться здесь нельзя:
Службу важную неся,
Здесь болтаться не позволю,
Отпущу копьё на волю.

Я приветствую вас тоже.
Вы подниметесь, быть может,
И посмотрите вокруг?
Я вам буду добрый друг!

Ближе к башне подойдите,
Камень с ямочкой нажмите
И входите не спеша.
Вам не сможет помешать
Ни большое изваянье,
И ни странное сиянье,
Ни шипящая змея —
Заходите, не смеясь,

О нет, приезжий господин,
Я здесь на башне не один.
Все на работах – тут и там.
Лишь площадь города пуста,

Не видно женщин и мужчин,
Я только днем хожу один.
У всех – заказы и дела.
Ты не увидишь их тела:
Кто в мастерских, кто роет ров,
Таскают камни, кроют кров,
Шьют, полоскают и метут —
Их оттого не видно тут.

Грет, ты не воин. Это бред.
Грет, ты не воин. Ты поэт.

Не говорю, поверь, стихами —
Слова летят, как птицы, сами!

Теперь, достойный господин,
Я должен здесь стоять один:
Начальник башни просто зверь.
Ты мне, как стражнику, поверь, —

Сейчас здесь должен появиться
Глашатай мэра. Лучше скрыться,
Не беспокоить мрачных глаз,
Ведь он заметить может нас! —

А если нас заметят вместе,
То получу я палок двести,
А после в башню посажён,
А если хуже, то сожжён, —

ИДОЛ ТАЙНОГО ХОДА

Художник стал быстро спускаться по внутренней лестнице башни. Двигаться здесь можно было только на ощупь. Полная темнота и неприятные звуки угнетали. Чтобы почувствовать облегчение, художник тихо свистнул. В тот же миг из-под воротника рубахи выпорхнул Клик. Он стал кружиться над его головой, осветив узкое и мрачное помещение. Художник вздрогнул, увидев, что прямо у него под ногами копошились шипящие твари, которые, испугавшись света, стали расползаться по влажным ступеням и прямо на его глазах испаряться и исчезать между камнями.

Молодой человек с ещё большей осторожностью продолжил спуск по лестнице к тайному ходу, у которого стоял каменный идол.

Как только он приблизился к двери, глаза идола вновь ожили, излучая синий могильный свет. И вновь у лица художника сверкнул огромный меч, обдав его щеку и лоб прохладой и разрезав полы его зеленого плаща. Юноша оказался в каменном капкане. Неприятное шипение усилилось. Холод окружал и сковывал его. Художник молниеносно скинул с плеча плащ и накинул его на огромную голову стража, а сам припал всем телом к маленькой тайной двери, пытаясь ее открыть. Дверь не поддавалась: ни ключа, ни замка, ни выступа; только голые, не струганные доски, обитые кусками ржавого железа со странными, загадочными письменами. Эти письмена жгли грудь юноши и высасывали из него силы. Большим усилием воли он попытался оттолкнуться от двери рукой с зажатым в ней диском. Лишь только блестящий металл коснулся ржавого железа, как оно тут же остыло и стало мягким, как влажная глина. Юноша провел по ним рукой, и тут же письмена исчезли, а доски потемнели и стали рассыпаться. Меж ними появились щели. Сквозь них он заметил стоящих мальчишек и стал подавать им настойчивые сигналы.

Самый старший из них услышал его голос и подбежал к двери.

В это самое время ослепшее изваяние заколебалось и стало размахивать мечом, который казался в его руке легким перышком. Идол лишь едва не задевал странника, плотно прижавшегося к двери.

Вновь почувствовалось тяжелое дыхание башни. Духи замка стали заполнять всё пространство тайного хода. Вновь появились дым и шипящий газ, от которых холодело сердце, немели обессиленные руки и ноги.

– Скорее нажми на тот камень, который покажет Клик, – едва слышно проговорил художник мальчишке. В это время вновь каменный меч пронесся рядом с дверью и с тяжелым ударом, потрясшим всю башню, ударился об пол тайного хода.

Художник едва сумел устоять на ногах, но успел подать сигнал Клику, и тот выпорхнул на свободу.

Меч в руках идола вновь стал подниматься над головой юноши, теперь уже точно угрожая настичь и уничтожить того, кто осмелился проникнуть в тайны замка и увидеть загадочные письмена. Художник чувствовал угрозу, и лишь ловкость помогала ему избежать нового удара. Однако дышать становилось все тяжелее и тяжелее. Силы начали оставлять его. Дух замка поднимался все выше и выше, заполняя все пространство тайного хода. Холод сковывал уже все тело художника: серый туман доставал уже почти до его лица.

Клик сделал круг над головой художника и выпорхнул из башни. Он стремительно летел вниз к тому самому камню, который был замком тайного хода. Мальчишка наконец увидел камень, перед которым порхал птицесвет, но, к несчастью, не мог до него дотянуться. Он огля-

делся вокруг, а затем стащил с ноги тяжелый башмак и со всей силы ударил по камню. Дверь тяжело, не желая отдавать свою жертву, распахнулась.

Художник уже едва дышал. Услышав скрежет черной двери и песню Клика, он собрал последние силы, сорвал с каменного изваяния свой плащ и выскочил из башни раньше, чем его мог достичь смертоносный удар меча. Однако прежде чем дверь закрылась, художника очень больно ударил осколок разбившегося за его спиной меча каменного идола. Запутавшийся в складках его плаща осколок стал таять и превратился в маленькую змейку, которая, оплавляя ткань, соскользнула по полам плаща и скрылась меж досок тайного хода.

Эхо еще долго разносило звук расколовшегося оружия. Вслед за этим идол, потерявший свое оружие и силу, стал разваливаться и осыпаться, превращаясь в гору холодного песка. Его глухой стон облетел всю площадь и затих. Мальчишки, не знавшие всего произошедшего, все так же стояли около вещей художника, наблюдая, за ростом зеленого чуда и с нетерпением ждали

возвращения загадочного незнакомца. Как только они увидели странника, выбегающего из тайного хода, радость осветила их лица. Счастливые, что все так хорошо закончилось для их нового знакомого, они весело запрыгали вокруг его вещей. Усталый художник, тяжело дыша, пошел к ним. На его плечо присел счастливый птицесвет и радостно запел песню.

На белоснежной рубахе художника запечатлелись черные, обгоревшие следы тайных посланий, которые с каждой секундой становились все светлее и светлее. Когда он подошел к ребятам, они были уже едва заметны при дневном свете.

РОЦИЯ. ПОЛДЕНЬ

Пустая площадь быстро стала оживать. По звуку глухих приближающихся шагов было ясно, что скоро она вся заполнится народом. Шум, как многоголосое эхо, доносился со всех окружающих улиц, накатывал и усиливался.

Художник был удивлён

– Что случилось? – спросил он у ребят.

Мальчишки, перебивая друг друга, стали рассказывать о том, что должно произойти.

– Каждый день в час начала правления мэра в городе на площади собирается весь народ.

– Глашатай замка объявляет все новости королевства и города, оглашает список тех работ, которые надо выполнить каждому горожанину.

– Наш город – город мастеров, и нет в нем простых жителей.

– А еще в честь дня рождения мэра будет бал, и все мастера просто завалены разной работой.

Художник не успевал крутить головой, чтобы выслушать каждого из говоривших мальчишек, стоящих вокруг.

– А если кто не выполнит приказ, будет наказан плетью.

– Или посажен в крепость.

В этот миг раздался последний удар колокола, сообщающий о том, что наступил полдень.

Жгучая Роция, прорвав покров серой массы, оказалась ниже тяжелых, свинцовых облаков и стояла прямо над шпилем крепости, поражая всех своим неласковым светом. Звезда, будто затянута тончайшей паутиной, пылала так ярко и тревожно, что угнетала всех находящихся на площади. Никто из горожан не мог поднять головы, чтобы не ослепнуть. Все стояли в потрепанных накидках с капюшонами, закрывающими лица. Они напоминали могильные холмы. Были слышны только тяжелые вздохи. Вокруг Роции тучи

начинали закипать и выплевывать сгустки серого пара, напоминающие необычных злобных птиц и многокрылых змей, шипящих и извивающихся, как будто поджаренных на этом жгучем огне, создающих вокруг светила едва различимую сеть замысловатого серого рисунка.

С последним ударом колокола вся площадь уже была заполнена народом с такими же серыми и мрачными, как одежда, лицами. Казалось, что все происходит в сумерках, и, если бы не палящее светило, можно было подумать, что над головами всех горожан раскрыли огромный зонт. Серая масса жителей наплывала все ближе и ближе к башне, и вот уже поглотила собой художника, его новых друзей и тот маленький росток, который продолжал тянуться к яркой звезде, раскрывая все новые и новые листья.

Среди горожан не было ни одного молодого, веселого лица, лишь сутулые спины с усталыми, опущенными плечами и вздутыми от тяжелой работы венами на руках. Люди иногда переговаривались, но так тихо, что их не слышали даже соседи.

Они будто не замечали художника и продолжали покорно приближаться к башне, обходя его, как столб, оказавшийся на их пути. Но горожане уже не интересовали художника: так бесцветны и невыразительны были они. Неожиданно его внимание привлек один единственный человек, чья огромная фигура выросла над толпой. Высоко поднятая голова, не покрытая капюшоном, с копной густых светлых волос, перетянутых кожаным ремешком, и ярко освещенная Роцией, удивила художника.

Он не мог оторвать свой взгляд от его лица и фигуры. Крупный, в серой одежде с высоко засученными рукавами, поверх которой был наброшен кожаный фартук, он очень отличался ото всех: немолодой, но бодрый, он приближался к художнику твердым, уверенным шагом.

Человек шел, оглядываясь вокруг, он как будто искал знакомое лицо. Ненадолго останавливался, что-то спрашивал у горожан, создавая некоторое оживление, и шел дальше.

И вдруг один из мальчишек, стоявших рядом с художником, негромко крикнул, разрывая глухую тишину площади:

– Я здесь, дядюшка!

Высокий человек сразу же откликнулся на его зов и, раздвигая толпу, подошел к ним. Вблизи он совсем не был похож на других горожан. Говорил и смотрел прямо, не оглядываясь по сторонам. В его мощной фигуре не было покорности, как в других, хотя и чувствовалась усталость в крепких руках. Его открытое лицо оживляло серую толпу.

– Здравствуй, незнакомец, – заговорил мужчина.

В тот же миг, услышав его голос, стоящие рядом горожане, словно проснувшиеся от внезапного прикосновения, стали поворачиваться и здороваться, и даже древние старики уважительно кланялись ему. Взгляды многих невольно останавливались на художнике, так ярка была его одежда. Они признавали в нем важного господина и тоже с почтением кланялись, удивляясь его доброжелательной улыбке, а также тихому незатейливому свисту яркой птицы, сидящей на его плече.

– Почему ты улыбаешься, незнакомец? – спросил дядя мальчика. В его словах звучала тревога за жизнь художника. – Наверное, тебе надоела спокойная жизнь, а может, ты чувствуешь себя слишком свободно в такой клетке, как наш город? Смотри, Пирр за смех и пение может наградить другой клеткой, поменьше. Вон в той башне.

Слова мужчины не вызывали сомнения. Чувствовалось, что он знает, о чем говорит.

– Я никогда не жил спокойно и не собираюсь так жить. Даже в самые тяжелые минуты мы с птицесветом поём, а не плачем, – ответил художник. – Если мне хорошо, я не пытаюсь это скрыть. И если в безлюдном городе в течение всего дня гуляет только ветер и маленькие дети, а потом вдруг появляются живые люди, то почему мне должно быть грустно.

Мне хорошо, и я радуюсь, – продолжал путник, улыбаясь всем, кто стоял рядом с ним.

Горожане, много лет не знавшие радости и не слышавшие смеха, смотрели удивленно на молодого, странно одетого человека.

– Мне нравится твоя прямота и откровенность. Хотя бы кто-то видит в нас живых людей, а не загнанных тяжелой работой животных, – проговорил, вздыхая, мужчина.

Все, кто стоял рядом, еще ниже опустили плечи, показывая, что полностью согласны с его словами.

А мужчина продолжал говорить сурово и правдиво:

– Мы все здесь не люди, а живые существа, с сердцами, полными печали, и руками, уставшими от тяжелых трудов. Дрессированные собачки, готовые лаять и прыгать, когда прикажут.

В его речах было столько печали, что улыбка вмиг слетела с лица художника. Он молчал, не желая бросаться бесполезными словами, а когда захотел что-то спросить, в толпе пронесся тяжелый вздох, и все подняли головы вверх. Художник тоже посмотрел на стену рядом с башней. Там появился человек, позади которого развевалось несколько штандартов. Глашатай был в темном шлеме с черно-белыми перьями и большим серым свитком в руках.

Охалка оперенья была гуще и выше, чем у Грета. Так можно было отличить старший чин воина.

Художник присмотрелся, желая разглядеть за глашатаем своего нового знакомого. Но среди стражников его не было.

– Где же Грет-Простак? Когда я был на стене у башни, – прошептал юноша, – там был молодой стражник. Куда он пропал?

Эти слова очень удивили мужчину. Он внимательно посмотрел на незнакомца, ещё не совсем понимая его:

– Ты был на стене? Как ты туда попал?

Мальчишки, стоявшие рядом и внимательно слушавшие разговор двух взрослых людей, не дали ответить художнику, а сами принялись, перебивая друг друга, рассказывать ту историю, которая недавно произошла на площади и свидетелями которой они были.

Рассказ их был сбивчив, но понятен и вызывал у этого мужественного человека улыбку. Он оживился и едва сдерживал смех. Глядя на живые лица, взволнованных ребят, художник тоже улыбался, слушая, как вся эта история воспринималась со стороны детскими глазами.

– Да, любому стражнику понятно, что ты важный гость, несмотря на твои пыльные и разбитые сапоги и мятую рубаху, – пошутил мужчина, намекая на несообразительность городских стражников и их глупость. – Твоя одежда, и вправду, может ввести в заблуждение любого, кто обитает в нашем городе.

Однако благодаря этому, ты побывал на городской стене, а еще никто из горожан не был там, кроме строителей, знавших секреты замка. Все они сейчас сидят в казематах крепости, а те, кто пытался обойти духов замка, оказались в другой башне.

Разговор был прерван глашатаем, который, развернув огромный свиток, очень громко, чтобы его услышали собравшиеся на площади, начал читать УКАЗ:

– начал глашатай. – *«Всем, всем, всем жителям Пирритада и всего протектората, Через месяц в городе состоятся торжества в честь мэра Пирра. В замке будет дан бал, на который приглашены все знатные вельможи королевства и богатейшие торговцы. В этот торжественный, праздничный день назначается бракосочетание мэра нашего города Пирра Великолепного с девицей Элли – дочерью кузнеца Плэя».*

Как только горожане услышали эти слова, тревожный гул пролетел над толпой.

– Моя дочь? – прошептал мужчина. Лицо его заметно побледнело, а в голосе звучало столько горечи и любви, нежности и тревоги, что у каждого, слышавшего эти слова, сердце заныло от боли.

Художник понял, о ком идет речь, и положил руку на плечо кузнеца, желая поддержать его в трудную минуту. Еще мгновение

назад, такой уверенный и сильный, теперь Плэй был подавлен. Казалось, что вся копившаяся годами усталость легла на могучие плечи и безжалостно клонила тело к земле. Но слабость была лишь минутной, и кузнец справился со своим горем, выпрямился, крепко сжал руку художника в благодарность за поддержку. Посмотрев вверх на крепость, он твердым голосом произнес:

– Это мы еще посмотрим.

Глашатай продолжал громко читать указ, не обращая внимания на ропот в толпе. Он читал с таким выражением, что перья на его шлеме колебались при каждом слове, как высокая сухая трава на вершине горы при каждом порыве ветра:

«К этому дню горожане должны приготовить подарок для мэра и его невесты. Сделать все необходимое для проведения торжества: ткачи – наткать особо тонкого холста, красильщики – покрасить его в чёрный цвет, портные – сшить крепостные штандарты и городские флаги с символом города и личным гербом

Пирра Великолепного»

В указе перечислялись все мастера, и глашатай ещё долго читал, что должны были сделать за этот месяц плотники и пивовары, сапожники и камнетёсы. С каждым словом спины горожан под серыми одеждами сутулились, лица темнели без надежды на что-то хорошее и светлое впереди: на их плечи взваливали непосильный груз.

Огненный диск Роции, совершив небольшой круг вокруг шпиля башни и перевалив за полдень, вновь стал исчезать в опускавшихся на город облаках. В ту же минуту глашатай закончил, перья его шлема в последний раз качнулись и исчезли, а вслед за ними и копья с развевающимися штандартами.

Горожане ещё какое – то время стояли, будто чего-то ожидая.

Раздался ещё один удар колокола, все повернулись и стали растекаться с площади в разные стороны по узким и пустым улицам, как вода из переполненного озера по пересохшим ручейкам.

Чтобы не привлекать к себе внимания, кузнец Плэй, художник и мальчишки тоже покинули площадь вместе с горожанами, оставив посреди камней одиноко растущий побег, который будто помахивал им вслед своей головкой.

Кузнец думал о дочери, единственной и любимой. Он желал ей добра, но сегодня его мечты рухнули. Пирр и его Элли – это не умещалось в его голове. Отдать самое дорогое жестокому и жадному тирану было выше его сил. Художник молчал, размышляя о секрете

башни. Мальчишки тоже молчали, боясь потревожить взрослых. Художник шел рядом с кузнецом, полностью доверяя своим спутникам.

– Не знаю, где мне остановиться сегодня, – заговорил юноша и вопросительно посмотрел сначала на кузнеца, а затем на мальчишек. – Хотя я молод и здоров, но изрядно устал за один этот день, да ещё час под лучами палящей Роцией сделал своё дело. Два часа отдыха мне бы не помешали. Неужели и в самом деле единственное место, где можно отдохнуть, это замок в крепости?

– Нет, конечно же, нет, – поспешно ответил кузнец, отвлечённый от своих горьких мыслей.

Он был готов помочь незнакомцу. Однако вести к себе художника было слишком опасно. К единственному в городе кузнецу часто наведывались слуги мэра, и дом его был под особым контролем.

Тем более теперь, когда дочь его объявлена невестой главы города, рассчитывать на спокойную жизнь не приходилось. Конечно, к его семье теперь будут более снисходительны, но всё же надо вести себя осторожно.

– Мой племянник Сид поможет тебе. Он отведёт тебя туда, где ты сможешь спокойно отдохнуть, сколько тебе будет необходимо. Только сначала скажи мне, кто ты и как тебя зовут?

Художник сам удивился тому, что столько времени разговаривает с человеком, а до сих пор не познакомился с ним. Юноша снял шляпу и улыбнулся, вспомнив, наконец, о долге вежливости:

– Я странствующий художник, давно оставивший свой пустой дом и почти забывший своё имя, уж очень редко меня спрашивают об этом. Когда идёшь по пустой дороге или по узкой, едва заметной тропинке в лесу или бредёшь совсем без дороги, то окружающие птицы и звери не обращают на такие вещи внимания. Они просто принимают или не принимают человека. Мне редко приходится встречаться с людьми, а тем более знакомиться с ними. Но когда-то давно в моём маленьком родном городке соседи и друзья называли меня Арни – художник.

Так они познакомились и дважды обнялись, как требовали древние законы мирров, издавна обитавших в здешних местах.

ТЕТУШКА ЦИЛИ

Сид, племянник кузнеца, схватив художника за рукав, повлѣк его на одну из ближайших улиц к маленькому домику. Остальные ребята с вещами Арни побежали следом, боясь отстать. Пока они шли, Сид всё время говорил:

– Тебе не стоит ходить в замок. Тут недалеко домик тѣтушки Цили. Она ко всем добра и живет совсем одна. Когда мы прибегаем к ней, она угощает нас всякими сладостями, которые готовит для самого мэра Пирра.

Бежавшие рядом ребята тоже не упускали возможности что-нибудь сказать и по своей обычной привычке перебивали друг друга, желая вставить хоть слово.

– Она будет очень рада такому гостю, – говорил один, а следом уже неслось:

– Тѣтушка Цили ждѣт возвращения своего сына, который уже много лет сидит в башне. Его посадили очень давно, когда мы только ещё учились говорить.

Ребята так подробно поведали художнику о тѣтушке Цили и её жизни, что, когда весѣлая дружная ватага подошла к маленькому, неприметному домику, Арни почти всё знал о его хозяйке. Сид тихонько постучал в дверь. Скоро она со скрипом распахнулась, и на пороге художник увидел старую женщину с добрыми глазами и ласковым взглядом.

– А вот и мои маленькие помощники! – тихо заговорила тѣтушка, протягивая ребятам корзинку с лежащими в ней тёплыми, аппетитными, душистыми булочками с поджаренной нежной корочкой. Ребята обступили женщину, принимая угощения, а двое из них вбежали в дом и вынесли оттуда большие вѣдра, чтобы побыстрее принести воды и присоединиться к своим товарищам.

Хозяйка угощала ребят вкусными булочками и нежно гладила их по взѣрошенным пыльным головкам, совсем не замечая стоящего немного в стороне молодого человека, который с интересом наблюдал за этой доброй старушкой и ребятами.

Затем художник открыл свой загадочный ящик, достал лист бумаги и уголь. Внимательно глядя на тѣтушку, он быстро-быстро стал водить по листу углем. Арни лишь иногда поднимал глаза, сравнивая

рисунок с оригиналом, и вновь продолжал рисовать. Не прошло и пяти минут, а юноша уже отложил в сторону уголь, глядя на завершѣнный портрет. С листа смотрела старая женщина с добрыми глазами. Ребята уже доедали булки, а Сид всё рассказывал тѣтушке Цили о госте, который только сегодня появился в городе и ещё не знает, где ему переночевать.

Только теперь старушка заметила молодого человека в необычной голубой шляпе и зелёном, с желтой подкладкой плаще.

Она была удивлена его нарядом, а главное лицом, которое многими чертами напомнило ей ее сына, давно заточенного в городской башне.

От такого сходства она не могла вымолвить ни слова.

Арни почувствовал, что говорят о нём, и подошел поближе, протягивая тѣтушке её портрет. Женщина взяла протянутый ей лист и посмотрела на него, как в зеркало, но не узнала себя.

– Кто эта женщина? – спрашивала она художника, ещё не понимая, что держит в руках свой собственный портрет.

Художник, который привык уже ничему не удивляться в этом мрачном городе, всё-таки был очень поражѣн и взволнован, услышав такой вопрос. Он стал объяснять, что на листе её портрет. Любопытные мальчишки, ещё ни разу не видевшие художников и их работы, молчали, так они были удивлены, посмотрев на рисунок. Затем они наперебой стали говорить, что эта женщина и есть тѣтушка Цили. Они с восхищением смотрели то на рисунок, то на Арни.

Увидев свой портрет и услышав, что говорят мальчишки, тетушка Цили закрыла лицо руками и тихо заплакала.

Плакать в Пиррштаде не запрещалось, к слезам здесь давно привыкли. За время правления Пирра многие из горожан исчезли, и никто не мог ответить, жив пропавший или нет. Потому тетушка не стеснялась своих слез. Мальчишки еще теснее обступили её и стали успокаивать, глядя уставшие морщинистые руки. Ни художник, ни мальчишки не знали, почему плачет эта добрая женщина, но им очень хотелось, чтобы она успокоилась. А тетушка стояла, держа свой портрет, и слёзы текли по её щекам. Она думала о своей нелегкой жизни. Ей пришлось много испытать с тех пор, как забрали ее единственного сына. Ещё ни одной ночи, ни одного дня не провела она спокойно. Ни разу с тех пор она не подумала о себе, ни разу не подошла к зеркалу, ни разу не была у соседей и очень редко покидала свой маленький дом, боясь пропустить возвращение сына. Даже когда звонил колокол, она оставалась у себя и не шла на площадь. Вся её жизнь превратилась в одно ожидание.

Прошло несколько минут. И вот тетушка в последний раз тяжело вздохнула, вытерла горькую слезу со щеки, успокоилась и пригласила молодого человека в свой маленький дом.

Художник вошел и остановился, не решаясь идти дальше.

Комната, куда он вошёл, действительно была маленькой и тесной, но очень уютной, с огромной пылающей печью и столом, обсыпанным мукой. Хотя вещей здесь было немного, но они хорошо заполняли всё пространство и были расставлены с такой любовью, что казалось, внеси ещё одну вещь, и она окажется лишней и ненужной, а вынеси что-то, и в комнате станет пусто.

Тетушка стояла рядом и смотрела на гостя, сравнивая его со своим сыном. К своей радости, она находила в его лице, фигуре все больше похожего. Такой же высокий и черноволосый, спокойный и уверенный.

– Много лет назад мой дом был большим и красивым, – сказала она. – В нем царили любовь и радость. Гости не покидали его. Но с тех пор минуло много лет. Не видя людей, он стал маленьким и больным, как я сама. Вечерами мы кряхтим вместе в ожидании самого дорогого человека.

Кровать моего сына сейчас пуста, и я буду рада, если она даст силы доброму человеку так же, как давала силы моему Рею. Ты добрый юноша. Я это поняла сразу, как только увидела тебя.

Входи и оставайся здесь, сколько будет необходимо.

В комнату вошли ребята. Они принесли вещи художника: поставили ящик, как дорогое сокровище с массой тайн, и осторожно положили мешок. Сид подал знак ребятам, и все, крикнув, что прибегут ещё раз позже, когда сделают свои дела, убежали, понимая, что гостю надо отдохнуть и набраться сил.

Тетушка проводила художника наверх по узкой скрипучей лесенке в комнату сына, такую же маленькую и уютную. Здесь было всё только самое необходимое и простое: кровать, стол, стулья, да серые стены. Они придавали комнате достаточно печальный и унылый вид, но всё остальное было убрано с любовью и нежностью, во всём чувствовались добрые руки любящей матери.

Тетушка часто приходила сюда и сидела, разглядывая знакомые вещи, или глядела в маленькое окошко на улицу. Вид из окна давно изменился, и не было уже того маленького Рея, который сидел у неё на коленях и засыпал под её тихое пение. Она очень страдала и скучала без него. Теперь ей остались только его вещи, которых он касался своей рукой, и они были для неё ценнее самых дорогих сокровищ.

Всё здесь было уныло и спокойно. Только одно яркое пятно привлекло и удивило художника: огромный красный цветок стоял на

подоконнике и, распахнув алые лепестки, закрывал собой почти всё окно. В этом городе Арни ещё ни разу не видел ни зелёного куста, ни травинки. Все было закрыто каменным панцирем. И вдруг в этой маленькой комнатке настоящее чудо – живой цветок, который казался ещё прекраснее на фоне бесцветной каменной стены, находящейся перед домом тётушки.

Увидев алый бутон, Арни понял, что лучшего места для ночлега ему не найти, чем в доме у милой и доброй женщины. Ещё одно обстоятельство обрадовало его: комнатка находилась на втором этаже, и как ни высока была серая стена, но она не могла закрыть неба, которое невозможно было увидеть из маленьких окошек первого этажа. Свет – главное, что нужно художнику. Здесь было все, что нужно для отдыха и работы, и Арни остался очень доволен.

Уставший юноша поблагодарил тётушку за доброту и удобно расположился на небольшой кровати. Из-под воротника выпорхнул сияющий Клик и подлетел к алому, пылающему цветку. Весело щебеча, он присел на край горшка.

Арни уже спал глубоким, спокойным и безмятежным сном, таким, какой бывает только у честного человека. Давно не приходилось ему так хорошо и спокойно отдыхать, лежать на мягкой и тёплой постели, укрываться не плащом, а тёплым одеялом.

СОН

Он сидел на краю скалы, с восхищением озирая тихую долину, очень напоминавшую его родные места. Легкий ветер качал ветви деревьев и ласкал кудри волос. Все дышало покоем и тишиной. Зеленое море листьев окружало долину. Внезапно скала стала расти. Она, как гигантское растение, тянулась вверх все быстрее и быстрее. Ему пришлось схватиться руками за обломок скалы, но острые грани обрезали его пальцы, а холодный, колючий ветер сорвал его с вершины и бросил вниз, как лёгкое перышко, толкая в спину на дно огромного ущелья. Скалы стремительно сближались, желая поглотить его. Вдруг все засияло золотом, и луч Родии мягко пронзил его грудь, оставляя

бархатный шлейф с легким ароматом. Арни продолжал падение, но плащ, прикрывающий тело, стал разворачиваться и превратился в огромные полупрозрачные крылья. Он приближался к огромной паутине, которая увеличивалась и росла, распуская свои коварные нити. Арни отчаянно взмахивал руками, не желая попасть в эти сети. Но уже ничто не могло его остановить. Неожиданно паутина превратилась в серую крону огромного дерева с сухой, потрескавшейся корой из змеиных серебристо-черных шкур.

Теперь Арни, как огромная птица, парил меж странных, опаленных огнем ветвей. Он взмахивал своими легкими голубыми крыльями, кружился в вихре, но тело не слушалось и вращалось все быстрее. Внезапный ветер стал рвать его крылья и обдал лицо охапкой серых, опавших листьев, превратившихся вмиг в огромных серых бабочек, которые стали его воздушным коконом.

Он по-прежнему падал, но вращение его замедлилось.

Неожиданно огромные крылья бабочек, окружавших его, стали трескаться и осыпаться, а их тела удлиняться, подобно сосулькам.

И вот уже они превратились в темных червей, сползающих к основанию огромного дерева, оплетающих его своими телами, медленно поднимающихся по коре вверх. Продолжая падение, он заметил, что от дерева отходят тысячи нитей.

Арни упал на одну из таких нитей, и внезапно она свернулась в спираль, как паутина. Он пытался кричать, но пути тесно сковали его грудь, и не было возможности даже шептать. Он висел меж небом и землей в стороне от ствола. Между корней дерева, он заметил огромного серого паука, очень странного и напоминающего человека.

Крупное тело с длинными руками стояло на тонких паучьих ногах, слегка раскачиваясь на нитях корней.

Арни собрал все силы и сжал кулак. Тут же рука его начала наполняться теплом, а пути лопнули.

В следующую секунду стали рваться все нити вокруг дерева, оплетая уже страшного паука, повисшего головой вниз в огромном коконе. Голова его то белела, то чернела, а потом, надувшись, как пузырь,

лопнула, оставив в воздухе лишь сизый дым. Наконец Арни, почувствовав свободу, взмахнул крыльями и стал подниматься вверх к голубому, манящему небу. С каждым взмахом ветки дерева обламывались и осыпались вниз серым пеплом, из которого появлялись разноцветные бабочки, и все вместе они летели, как огромное светящееся облако.

ДОКЛАД МЭРСКИЕ НОВОСТИ

Как никогда рано утром в замке происходила беседа мэра города со своими подданными.

Пирр восседал на троне, огромном и мягком, выслушивал доклад Советника по внутренним делам и капитана городской стражи, которые докладывали о последних новостях. Новости обычно были всегда одни и те же, и мэр впадал или в гнев, или в радость.

Советник рассказывал обо всём подробно, не упуская ни одной мелочи. Хитрый и изворотливый, в привычной для всех монашеской одежде, он говорил тихо, но так, чтобы Пирр мог слышать каждое слово. Обычно его доклады были чёткими и сухими, но сегодня голос звучал взволнованно, и он сам казался как будто бы ниже ростом. Это не ускользнуло от пронизывающего взгляда мэра, который не терпел, когда от него что-то скрывают. В такие минуты он был особенно нетерпелив и жесток.

– Что произошло, Советник? – ещё улыбаясь, но с некоторой тревогой и озабоченностью спросил Пирр, желавший сейчас же знать всё, что творится в его городе и крепости. – Какие несчастья нависли над моей головой? – и его взгляд стал прожигать грудь советника, отчего у того выступил на лбу пот и слегка закружилась голова.

Тревога мэра была не напрасна и оправданна. Сегодня Советнику донесли, что в городе появился незнакомый человек очень странной наружности, с вещами, говорящими о том, что их владелец, по всей видимости, достаточно состоятелен, а быть может, и богат. Яркая одежда подтверждала это. Его заметили дважды: вначале у ворот города, потом на городской башне рядом с одним из стражников. Затем следы его затерялись, и ни один доносчик не мог доложить, где он находится сейчас. Это последнее известие особенно взволновало Советника. Он не мог даже предполагать, где находится и что замышляет этот незнакомец. Именно поэтому он, Кривой Монах, решил не скрывать от своего господина то, что узнал о незнакомце, а всю вину за нерасторопность он собирался свалить на доносчиков, бестолковых, как вся городская стража.

Рассказ Советника сильно встревожил Пирра. К тому же, он и сам точно знал: произошло что-то страшное. Сегодня в самый приятный момент обеда внезапно его пронзила страшная боль, сковавшая все тело. Несколько минут он не мог выйти из оцепенения. Кроме того, духи замка трепетали и донесли, что один из истуканов-охранников пал жертвой незнакомца. Пирр долго молчал, и в зале для приёмов установилась мёртвая тишина, такая, что Советник и стоящие у двери стражники боялись дышать, напряженно ожидая, что скажет мэр.

Пирр не мог сосредоточиться и начал рассуждать вслух о том, кем может быть этот человек и почему он не нанёс визит в крепость.

– Может быть, он странник? Почему тогда он не представился мне? Если родственник кого-нибудь из горожан, тогда понятно, а если нет? Может, враг и решил взбунтовать весь город? – мэр обжёг пронизывающим взглядом Советника и капитана, ожидая ответы на свои вопросы.

Капитан думал о том же и молчал, стараясь найти правильный ответ.

– Необходимо его схватить и обезвредить, – воскликнул он, найдя, как ему казалось, лучшее решение.

– Хорошо! – воскликнул в ответ мэр. – Но как вы его схватите, если не знаете, где он находится?

– Я отправил на поиски лучших сыщиков нашей секретной стражи, – доложил Советник, желая смягчить гнев своего господина.

– Чтобы уже сегодня я знал, кто он, его имя, зачем он появился в моем городе! – закричал неожиданно Пирр, вспоминая сегодняшнюю боль и тревогу.

– Будет исполнено, – отчеканил стоявший рядом с Советником капитан городской стражи, вытянувшись в струнку, насколько ему позволял толстый живот, и развернулся на каблуках, желая удалиться исполнять приказ. Но не успел он сделать и шага, как был остановлен мэром.

– А для начала приведите ко мне того стражника, который был сегодня на городской стене у башни.

– Он уже здесь и ждет вашего приказа, – ответил Советник, показав тем самым, что он не зря ест свой хлеб и носит такое высокое звание.

Пирр, желая, как можно быстрее увидеть стражника, приказал немедленно привести арестованного к нему. Капитан вышел и через минуту появился вновь в сопровождении двух стражников, ведущих безоружного воина, который шел медленно, едва передвигая ногами и низко опустив голову. Его светлые волосы закрывали худое лицо, не похожее ни на жадов, ни на вотов, которые были главными наемниками в гарнизоне Пиррштада.

Мэр внимательно смотрел на арестованного и молчал, потом жестом приказал стражникам остаться у двери, а к себе подозвал Кривого Монаха, желая в случае необходимости посоветоваться с ним. Арестованный юноша остался стоять в центре зала, боясь поднять на мэра глаза. По его виду чувствовалось, что он признает за собой вину, и Кривой Монах понял, что если правильно с этим юношей говорить, то он может многое рассказать и сам поможет найти незваного гостя. К тому же, он единственный, кто знал незнакомца в лицо и в случае необходимости смог бы его узнать, даже если тот сменит одежду. Именно этого и боялся Кривой Монах.

Все ждали, что скажет мэр, но он молчал, не зная, как начать разговор. Затем топнул каблуком, что говорило о высшей степени его раздражения. Незвестность его пугала. Он пристально смотрел то на Советника, то на арестанта. Под его взглядом все замерли, боясь проронить хотя бы слово.

Мэр резко щелкнул два раза пальцами, и все находившиеся в зале преклонили колени, низко опустили головы.

Пирр поднялся с трона, озирая всех присутствующих, а затем удалился в тайный бархатный зал за узкой и маленькой дверью. В нём он бывал в самые тревожные и тяжелые для себя минуты.

ТАЙНЫЙ ЗАЛ

Бархатный зал, темный, без окон, был самым секретным помещением в крепости. Он освещался только двумя факелами у дверей. Зал наводил ужас на всех слуг. Они больше боялись не казематов, а именно этой небольшой комнатки, в которой обитали духи. Никто, даже самые ближайšie помощники, не бывали в тайной комнате. Странные, пугающие звуки, шипение, иногда переходящее в свист, и шуршание, часто доносившиеся из нее, подавляли волю. Все просто каменели, оказавшись рядом с черной, обитой блестящей змеиной кожей дверью.

Пирр вошел в комнату, и дверь глухо закрылась. Небольшое помещение внутри напоминало ажурную железную клетку в каменном мешке.

Витые металлические жгуты замысловатой формы опоясывали все пространство зала, обитого черным бархатом, и поблескивали в вечном полумраке. Во всем зале не было мебели, лишь огромная чаша из черного гранита стояла в центре. Над ней на витых цепях висело огромное чугунное кольцо. Мэр еле слышно подошел к центру зала, как будто боялся кого-то спугнуть, и легко провел рукой о край чаши. Тут же тусклый пучок света упал на дно чаши, и через секунду послышалось шуршание.

Уже через миг все кружева металлических прутьев ожили, превратившись в ужасных тварей, которые, шипя, стали кружиться над головой Пирра, часто взмахивая перепончатыми, едва видимыми на просвет крыльями. Их огромные крючковатые клювы широко открывались, издавая шипящие звуки, напоминавшие змеиные крики. Духи замка ожили и, переливаясь, червями и змейками падали со стен на пол, открывая тайные знаки в витых прутьях решетки, а затем они

стали сползаться к центру и заполнять черную чашу.

Черные змеекрылы, покружив над головой Пирра, сели на чугунное кольцо, как химеры. Их длинные хвосты свесились почти до самого пола. Кольцо над головой мэра качалось. Он оказался в кругу черной клетки из тел бессловесных тварей. От хвостов исходили вибрации. Пальцы Пирра тряслись. Вскоре пустая чаша напоминала кипящий сосуд. Все шевелилось и шипело. Над чашей витал пар, раздавались стоны, и вскоре стали вполне различимы письмена, которые с каждой секундой накалялись и внезапно загорелись холодным светом. Символы переливались и плавились, наполняя комнату странным потрескиванием и гулом.

Мэр, наклонившись над чашей, окунул свои костлявые, с длинными пальцами руки в самую гущу шипящих тварей и прошептал магическое заклинание:

Пирр наслаждался. Ноздри его длинного носа раздувались от волнения. Время и пространство исчезли...

Когда Пирр вышел из оцепенения, его любимцы стали исчезать, превращаясь в глухой сизый дым со сладким запахом, разлившийся по всему залу. Пирр поднял голову вверх, продолжая шептать заклинания, начертанные на темных стенах. Дым вместе со стонами, струясь, стал исчезать в круглое отверстие потолка. Только после этого Пирр покинул тайную комнату.

*О Ёнреч Ихуд
Етиурад Енм
Тсалв И Овтсецугом
Етиурад Енм Ылис
Етиурад Юовс Утицяз*

ДОПРОС

В парадном зале все так и стояли на коленях с низко опущенными головами, боясь шелхнуться.

– Подойди ближе, – ласковым голосом обратился Пирр к молодому стражнику.

Такой тон мэра немного успокоил юношу, и он подошел ближе, все еще не решаясь поднять свой взор. Пирр наблюдал за ним и думал, как продолжать допрос, чтобы он больше походил на простую беседу.

– Как тебя зовут? – всё тем же тоном начал он свой допрос.

– Грет – Простак, – ещё более успокаиваясь, ответил стражник.

– Скажи, Грет, кем был человек, который посетил тебя сегодня на крепостной стене?

Совсем успокоившись, стражник отвечал:

Речь Простака очень поразила мэра и Кривого монаха. Даже не сами слова, а то, как они были сказаны. Но Пирр пока не отвлекался от главного и продолжал допрос.

– И что же это за звезда, что помогла незнакомцу оказаться на башне?

Грет продолжил:

Мэр и Советник с широко раскрытыми глазами смотрели на городского стражника, глупого и бестолкового, как они думали. Их очень поразило то, как легко и складно выражал свои мысли юноша. Пирр схватился за знак, висящий у него на груди, и поднес к своему лицу. Диск засиял и осветил голубым цветом его пухлые щеки с узкими щелочками глаз.

«Как мой личный знак мог оказаться в чужих руках? – думал мэр, разглядывая серебряную медаль со змеей и ящерицей. – Неужели этот юнец не врет и действительно видел в чужих руках символ власти?»

Речи пленного очень огорчили Мэра. Он сидел, покачиваясь на троне, как маятник. «Скорее всего, этот глупый вояка все напутал, и в куске стекла увидел то, чего на самом деле быть не может, – размышлял Пирр. – Но как складно он врет».

Эта мысль его успокоила и даже обрадовала. На это были причины, о которых никто не догадывался.

Не так давно мэр Пирр решил взять в жены дочь кузнеца, а Плэй был единственным мастером, который мог делать все, начиная от тюремной решетки и кончая мечами и пушками. Именно по этой причине Пирр хотел, чтобы Плэй работал под присмотром охраны в крепости. Взяв в жены его дочь, он хотел ввести в крепость всю семью Плэя и быть уверенным, что ни один горожанин не будет вооружен.

Элли, дочь кузнеца, была самой красивой девушкой города. Пирр решил сделать свое предложение к девушке в изысканно благородной форме. Он хотел доказать ей, что в его груди бьется гордое сердце, не только воина и жестокого властелина, но и благородного вельможи.

Прошло уже две недели, а он смог придумать только три слова: ...» *«Элли, милая моя*

Это его очень огорчало, но сердце хитрого жада верило, что ему улыбнется, как всегда, его удача. Он надеялся на чудо, и оно свершилось. Духи услышали его и прислали ему Простака. Как любой властелин, Пирр был нетерпелив. К тому же, затея с письмом оттягивала день его свадьбы.

Вот теперь он был уверен, что его план осуществится довольно быстро с помощью этого юного болвана, который легко, без напряжения, связывает одно слово с другим и, даже не задумываясь, говорит, как благородный вельможа. Размышляя об этом, Пирр возненавидел этого Простака, который так легко и неосознанно унижал своего сюзерена. Сейчас Пирр досадовал, что он бестолковее своего слуги.

– Что было потом? – спросил мэр, едва сдерживаясь от гнева.
продолжал стражник.

– Зачем? – не сдержался Кривой Монах.
не задумываясь, говорил Грет.

Мэра уже не поражала такая способность стражника. Его волновала другая задача, более сложная. Нужно было узнать все о незнакомце, так неожиданно появившемся в городе.

– Как выглядел этот человек? – спросил Советник, чтобы сообщить приметы незнакомца стражникам.

– А во что он был одет? – нетерпеливо спросил Пирр.

Советнику очень захотелось узнать, как стражник понял, что незнакомец беден, несмотря на его яркую одежду, и он спросил:

– Ты это сам узнал, или тебе рассказал незнакомец?

Стражник, видя, что с ним разговаривают доброжелательно, успокоился и стал рассказывать подробно:

Того, что рассказал стражник, было вполне достаточно, чтобы схватить и заточить незнакомца в крепость. Мэр решил больше не возиться с ним.

– Советник, этого преступника посадить в башню, – приказал мэр, указывая пальцем на Грета. – Пусть он подумает над тем, что совершил, а в ближайшее воскресенье надо достойно его наказать сот-ней ударов палкой, чтобы всем было понятно, как мы поступаем с нарушителями наших законов.

Капитан с двумя стражниками поспешили исполнить приказ и вывели Грета из парадного зала.

Мэр, восседая на троне, досадовал, что не может пока повесить этого светловолосого глупца, впустившего первого попавшегося

человека в закрытую часть города, которую нужно было охранять так же усердно, как сам замок. Пока странник на свободе, нельзя спокойно жить и держать во власти весь город.

Одно успокаивало Пирра: тот человек никогда не догадается о его тайнах. Мэра радовало ещё и то, что самые верные его слуги – духи замка – сейчас выходят на охоту и заполняют весь город. Они могут проникнуть в любую часть города бесшумно и найти на улице любого преступника. Он утешался тем, что, не повесив Грета-Простака, с его помощью сможет написать письмо к дочери кузнеца и сделать ей предложение в изысканной форме.

В своих размышлениях Пирр пошел дальше, задумав перед венчанием обойти самого короля. Он решил издать законы и указы в благородной поэтической форме. Эта мысль обрадовала, но и утомила мэра. Он решил теперь отдохнуть и хлопнул в ладоши три раза, что было сигналом для слуг. Шесть крупных вояк из личной охраны мэра появились в дверях с походным черно-белым шатром. Они вынесли его, восседавшего на троне, по парадной лестнице в парк, где он обычно отдыхал.

Я увидел его в толпе.
Он говорил, как будто пел.
Я приказал тогда молчать!
А он стал дерзко отвечать,
Как очень знатный господин.
Я на посту стоял один.
Уже хотел подать сигнал,
Но пред звездой я сразу пал.

Звезда – ваш символ! Ваша честь!

И на штандарте нашем есть!
И он сказал, что важный гость,
И, если в нем разыграет злость,
Он мне в начале, шлем пробьет,
Ну а потом бока намнет.

Он, видно, долго был в пути
Я предложил ему войти, —

Чтоб сверху город осмотрел
И представление имел
О том, кто в городе живет
И как он в замок попадёт, —

Тот человек высок на вид
И аккуратен, но не брит.

Костюм его прекрасно сшит,
Плащ на плечах его лежит.
Под шляпой – карие глаза,
Да прядь зачесана назад.
Он весел, хоть и не богат,
Поговорить с ним каждый рад.

Зеленый плащ его помят,
И очень уж усталый взгляд.
В пыли штаны и сапоги:
Их не снимал давно с ноги.
На шее рваный кошелек,
Худой, с заплатами, мешок.

ЧУДЕСНЫЙ ПАРК

Пирр легко забылся под охраной своих шипящих тварей, которые всегда верно ему служили и, пока он отдыхал, никого к нему не подпускали. Окружавшие его любимую беседку лианы, кусты, цветы из белого золота и черных камней привычно успокаивали и усыпляли.

Не было прекраснее места во всем городе. Чудесный парк, как оазис в пустыне, освещал в жару и дарил тепло прохладным вечером. Здесь было все. Фруктовый сад, дающий по два – три урожая огромных сочных плодов, способных накормить всех голодных и несчастных в городе. По парку и саду пролегали дорожки, ведущие к любимой беседке мэра, посыпанные лепестками черных роз на серебряном и золотом песке. Беседку создавали лучшие мастера города. Она стояла в центре парка на небольшом острове, окруженном водой. Вся она была усыпана драгоценными камнями, сверкающими даже в самый

пасмурный и мрачный день, как капли разноцветной росы. Турмалины, рубины, аметисты, изумруды и сапфиры восхищали любого гостя. Маленький и уютный пруд тоже светился из глубины. Тот, кто оказывался здесь впервые, замирал, глядя на дно пруда. По воде скользили золотисто-бархатные змеи. Изящно извиваясь и шипя, они не подпускали к беседке никого, кроме самых близких слуг.

Через пруд был переброшен резной, будто сотканный из серебряных нитей мостик, по которому мог пройти только один человек. Беседка и мостик словно парили над водой в сизых облаках, отраженных в глади воды. Вдоль берега прохаживались черные павлины, покачивающие огромными переливающимися радужными хвостами. На ветвях сидели яркие, необычные птицы.

Таков был чудесный парк, но ни один человек, кроме мэра, не мог наслаждаться этой красотой.

Когда Пирр захватил город, он приказал вырубить всю зелень, а самые красивые и пышные деревья и кустарники пересадить в чудесный парк.

Ни один горожанин с тех пор не видел всего самого прекрасного, что создала природа и что радует и вдохновляет человека в тяжелые времена. Но не все растения выжили, и тогда был отдан приказ: на месте засохших деревьев появлялись другие, из металла и драгоценных камней.

А вот горожане теперь могли видеть только серые стены и камни, а яркая звезда превратилась в палящую Роцию, обжигающую жаром и духотой.

Чтобы ветер не занес семена других деревьев и растений, вокруг Пиррштада были вырублено всё и возведены высокие, как скалы, стены. Не осталось ни одного клочка свободной земли. Все было вымощено камнем и засыпано песком так, чтобы попавшее случайно семя не проросло. Вместо густого леса город окружала рыжая огненная пустыня. Горожане уже стали забывать, а дети совсем не знали теплой и мягкой травы, приятного душистого запаха зеленой кроны, теплой земли после дождя, ярких лесных опушек, покрытых цветами и наполненных нежным звоном маленьких насекомых-кузнечиков, жучков и комаров. Они жили на камнях и в камнях, а их дети играли на камнях и видели только камни. Только камни, камни, камни...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Пока мэр старался заснуть и забыть свои страшные мысли, художник уже проснулся. Пробуждение его было легким и спокойным.

Обычно ему снились цветные сны, от которых он чувствовал облегчение и радость. После пробуждения он вставал и начинал работать: рисовать то, что приснилось. Все его картины и рисунки после сна были загадочны и наполняли душу непонятными чувствами.

Арни обычно спал недолго, но и этого времени было достаточно, чтобы сбросить накопившуюся усталость и забыть неприятные мысли о мрачном городе. Он не любил валяться в постели, да и не имел такой возможности. Чаще всего его постелью были трава да плащ. Если он спал в лесу, то не торопился вставать, боясь неосторожно побеспокоить утренних птиц и животных. Он медленно открывал

глаза и вслушивался в шелест листьев, щебетанье птиц, крики зверей и шуршанье трав. Это тоже было сном, но сном наяву, со своими открытиями, чудесами и неожиданностями.

Ничего этого не было в уютной, но серой комнате тётушки Цили. Все было мертвым и пустым. Только один цветок пробуждал хорошие и добрые мысли. Арни не мог долго лежать и смотреть на голые, серые, потрескавшиеся от старости стены и потолок. Художник встал и, осторожно ступая, чтобы не потревожить покоя хозяйки, которая, как всегда, копошилась на кухне, подошел к своим вещам.

Замечательная мысль пришла ему в голову, и он решил не откладывать задуманное. Для этого у него было все необходимое. Он тихо открыл деревянный ящик, достал кисти и чудесные краски. Взяв палитру, он начал работать. Писалось легко и быстро: еще никогда он не имел такого огромного холста. Скоро над его постелью раскрылось голубое небо с плывущими по нему облаками, а рядом с окном засияла ослепительная звезда. Выросли деревья, кусты, распустились цветы, закружились яркие бабочки. На ветвях деревьев поселились удивительные птицы с цветным опереньем. Комната ожила.

Несколько раз, забыв об осторожности, Арни что-то опрокидывал и ронял. Шум падающих предметов встревожил хозяйку, и она поспешила наверх. Теперь, когда в комнате ее сына поселился гость, ей было не так тяжело и одиноко. Ей хотелось сделать для Арни что-нибудь приятное. Все время, пока он отдыхал, тетушка Цили готовила вкусный ужин, такой, какой она приготовила бы, если бы сын её вернулся. Она поднялась и открыла дверь. Неожиданно ее ослепил яркий, живой свет. Она закрыла, лицо руками, стараясь понять, что произошло, боясь открыть глаза и войти.

Художник заметил это, подошел ближе и спросил:

– Что случилось, тетушка Цили?

– Больно глазам, – ответила тетушка, все так же закрывая лицо и не опуская руки.

– Слишком яркая звезда? – улыбнулся художник. – Сейчас мы всё исправим, – говоря это, Арни подошел к окну и легкими мазками написал нежные, перистые облака, немного приглушившие яркий ослепляющий свет.

Только после этого тетушка опустила руки и открыла глаза, любясь необычным пейзажем, прекрасным и давно забытым. Каждое дерево и травинка были живыми. Казалось, все колышется от легкого ветерка. Небо разливало покой и успокаивало. Комната сразу стала шире, стены раздвинулись. Дышалось легко и свободно.

Тетушка вспомнила старые времена и загрустила. Села на лавку и молча смотрела вокруг. Грусть на ее лице была так заметна,

что художник присел с ней рядом, взял ее за руку и только теперь почувствовал грубую кожу ее уставших рук. Он понял, какие тяжелые годы пришлось ей пережить в этом мертвом городе.

– Я возьму этот цветок? – спросила печально тетушка, показывая на окно, где был единственный живой огонек.

Художнику очень не хотелось расставаться с ним:

– Я прошу, пожалуйста, оставьте все, как есть. Мне это очень нужно. Не могу писать, когда не вижу живого. Голые стены угнетают меня. В них нет тепла. А этот цветок излучает свет. Если убрать все вещи и оставить только этот цветок, мне будет достаточно. Если бы не это чудо, – и художник подошел к окну, – я не смог бы нарисовать то, что ты видишь.

Тетушка улыбнулась:

– Хорошо, я рада, что этот цветок нужен тебе так же, как мне. Он мне напоминает о сыне, который уже несколько лет томится в башне. Я знаю: пока цветок не увял, мой сын жив. Я думаю, этот цветок, посаженный в день его рождения, наполняет и его душу теплыми воспоминаниями.

В эту минуту тетушка еще не знала, что через месяц ее сына собираются казнить. Все, кто бывал у нее, не говорили ей об этом, оберегали ее от страшных новостей. Сама она на площадь не ходила, только очень редко выбиралась из дома за продуктами. Ей помогал Сид с друзьями. Многие думали, что она очень больна. На самом деле тетушка Цили сильно тосковала. Только сегодня, когда рядом был человек, очень напоминавший ей сына, тоска немного стихла.

Они еще несколько минут сидели рядом. Художник обнял ее за плечи и предложил подойти ближе к цветам. Тетушка, тяжело ступая, подошла к тому месту, где были цветы, наклонилась и начала гладить своей усталой рукой их нежные лепестки. В тот же миг ее шершавая кожа стала мягкой. Она повернула ладонь и не поверила своим глазам: молодая, нежная кожа сияла, как у молодой женщины. Эти прикосновения действительно были волшебными. Она почувствовала прилив сил и оживилась:

– Но как же ты будешь спать?

– Ничего, я стану великаном и закрою собой звезду, – засмеялся в ответ Арни, поднялся на табурет, стоящий у окна, и закрыл своим телом сияющее светило.

– Будешь так стоять всю ночь? – уже шутя, спросила тетушка.

– Звезды мне никогда не мешали, и я вообще не собираюсь спать. Я очень хорошо отдохнул и думаю теперь ещё поработать, – проговорил художник.

Но тетушка стала возражать.

– Ты и так уже достаточно хорошо потрудился, – заговорила она. – Я никак не могу поверить, что эта комната моего сына, а не чудесный парк мэра, про который так много говорят мальчишки.

– Чудесный парк? – удивился молодой человек.

– Да, – грустно сказала хозяйка. – Много лет назад наш город был свободным. Каждая улица в нем была как сад: всюду пестрели цветы, по оградкам вились плющи и лианы, а в облаках и на крышах пели птицы. Сейчас от нашего зеленого города остался только мой цветок и то только потому, что здесь не были стражники Пирра.

– Что же случилось? Что произошло? – спросил взволнованно художник.

Тут тетушка Цили поведала Арни историю Золотого города.

РАССКАЗ ТЁТУШКИ

Как только мирров сменили жады, главой города стал мэр Пирр.

Он приказал уничтожить цветущие деревья и кустарники, чтобы только он мог наслаждаться истинной красотой. Сейчас во всем городе не найдешь ни одной даже сухой травинки. Вместо зеленых крон выросли высокие каменные стены да башни. Раньше на нашей площади был большой прекрасный сад, даривший нам веселую метель нежно – розовых, голубых и белых лепестков, которых наметало целые сугробы, таких мягких, что в них можно было кувыркаться мальчишкам.

Горожане могли часами отдыхать в тени деревьев. Они гуляли между цветущими яблонями и грушами, вишнями и сливами, закрывавшими собой все небо. Родия играла на дорожках своими яркими лучами, прорезая густую тень сада паутинками света, такими осязаемыми и яркими, что на них можно было играть, как на струнах чудесной арфы.

Как только листья на деревьях увядали, рядом распускались другие. Опавшие листья обнажали крупные цветные плоды, настолько крупные, что невозможно было их удержать одной рукой. На ветвях висели красно-желтые яблоки, оранжевые апельсины, синие и желтые сливы. Все жители ухаживали за садом.

– А теперь за вами следят с той самой площади, – прервал тетушку художник, взволнованный ее рассказом.

– Да, – грустно подтвердила тетушка и решила изменить тему разговора: – Ах, ну что же я за хозяйка! Кормлю своего гостя только разговорами. Ты хорошо потрудился и еще собираешься продолжать свою работу – тебе необходимо хорошо поесть. У меня уже готов ужин.

Художник, молодой и крепкий юноша с отличным аппетитом, не стал отказываться от угощения тетушки Цици, вспомнив, что с утра ничего не ел:

– Я охотно отведаю ваше угощение.

Он спустился за хозяйкой вниз. Уже на лестнице тетушка остановилась, вспомнив про картину художника:

– Но что же нам делать с твоим светилом?

– А что? – удивился Арни. – Пусть светит.

Тетушку очень волновал яркий свет, исходящий от стены:

– На улице уже ночь, и если городские стражники заметят свет в нашем окне, то сразу доложат мэру или его Советнику, а могут, и того хуже, ворваться в дом и схватить того, кто нарушил указ.

– Какой указ? – заинтересовался художник.

– Указ мэра Пиррштада о полной тишине и покое, которые должны наступать после того, как мэр закончит свою вечернюю трапезу.

– А когда он ее заканчивает? – прервал тетушку художник.

– Этого никто не знает, – продолжала она, – и поэтому все жители расходятся по домам, как только темнеет, гасят все огни, чтобы не привлечь к себе внимание стражников и черных духов замка, блуждающих по ночным улицам до самого утра. В начале правления Пирра многие пострадали именно оттого, что не гасили свет, и в их дома врвалась бесстыжие вотры.

– А это еще кто такие? – удивился художник.

– Наемники, которых набирал Пирр и Кривой монах. Многие горожане попали в крепость и до сих пор сидят в черной башне по их приказу.

Теперь Арни понял, что может своим легкомыслием принести вред хозяйке, и поэтому вернулся в комнату, достал из своего ящика какие-то инструменты, подошел к окну и повесил

на гвоздь плащ, закрывший, как тучей, яркий, сияющий диск. Тут же комната наполнилась тишиной и сумраком, как на улице в столь поздний час. Только узкая, едва заметная полоска света освещала подоконник с алым цветком, прикрывшим маленькую птаху.

– Звезду закрыли грозовые тучи, – пошутил художник. – Но как только гроза пройдет, на небе вновь появится светило.

Тетушка Цили успокоилась: стражники теперь не схватят ее гостя. Художник был доволен, что с лица его гостеприимной хозяйки сошла тень тревоги. За себя он не волновался и был уверен в том, что, если в дом ворвутся стражники, он найдет способ, как выпроводить незваных гостей.

Часто в своих путешествиях Арни сталкивался с опасностями, угрожавшими его жизни. То ему попадались на пути голодные разбойники, то разъяренный зверь, и всегда из опасных ситуаций он выходил победителем. Две крепкие руки никогда не подводили его, но сегодня ему совсем не хотелось пускать их в ход: гораздо приятнее провести теплый вечер с доброй хозяйкой.

Они сели за скромно убранный, без дорогой посуды стол, и Арни принялся за ужин. Сегодня тетушка особенно постаралась. Ей очень хотелось, чтобы угощение понравилось гостю. За то короткое время, что он был у нее, она полюбила его и хотела сделать ему приятное. Он был одних лет с ее сыном, такой же веселый, с озорным взглядом и добрым сердцем.

Хозяйка и гость долго сидели за столом и разговаривали. Арни было интересно узнать историю города. Он расспрашивал о мэре и его стражниках. Особенно его волновала история заключения сына тетушки Цили в крепость. Но он не решался прямо спросить об этом, зная, что хозяйку это очень огорчит. Арни решил подождать более подходящего момента.

ДЯДЮШКА ПЛЭЙ

Разговор прервал очень тихий стук в дверь. Тётушка с нескрываемой тревогой взглянула на юношу. Вдруг у дверей ее домика стояли ночные стражники, которые заметили свет в окне и теперь хотят расправиться с её гостем? Тетушка Цили решила спрятать Арни, но молодой человек и не думал прятаться, а сам подошел к двери, желая узнать о намерениях незваных гостей. Стук вновь повторился, и он взялся за ручку двери. Тетушка неожиданно легко подошла и отстранила гостя. Она решила взять всю вину на себя и сказать, что стала дряхлой старухой и совсем забыла про указ его светлости.

Но стука больше не последовало, а раздался знакомый голос:

– Цили, отвори скорее, это я, Плэй.

Голос кузнеца нельзя было спутать ни с каким другим в городе. Она его узнала, но не могла сразу успокоиться и открыть дверь. Кузнец никогда не приходил так поздно.

– Ах, Плэй, – говорила она, возясь с крючком, не поддававшимся её рукам, – для тебя всегда двери моего дома открыты. Что привело тебя в столь поздний час? – спросила она уже входящего в дом кузнеца.

Как только он вошёл, комната стала необычайно маленькой. Казалось, что со своего места он может достать любой предмет, находящийся на кухне.

– Понимаешь, соседка, у меня важное дело к твоему жильцу, – начал кузнец. Посмотрев на тетушку Цили, он замер. Даже при свете тусклой, едва горевшей лучины были заметны те изменения, которые произошли не так давно. Лицо ее посвежело, морщинки разгладились. Она уже не была той дряхлой тетушкой Цили, которую он знал. Недоумевая, он продолжал:

– Зашёл узнать, как устроился твой гость, и помочь ему, если нужно.

– Я отлично выспался и отлично поработал, к тому же, давно уже так плотно не ужинал. Все просто замечательно.

– Вот и славно, – проговорил Плэй. – А вот мне нужна твоя помощь.

Тетушка удивленно посмотрела на кузнеца. Еще ни у кого и никогда ее сосед не просил помощи. Все обычно обращались к нему. Тетушку это удивило.

– Но чем же он может помочь тебе? Уже наступил запретный час и совсем темно. Ни одного человека не встретишь на улице, кроме ночных стражников и шипящих тварей, которые сейчас расползаются сотнями по всему городу. Я уже чувствую их дыхание.

Последние слова тетушки насторожили художника, но пока он не стал расспрашивать, а решил узнать, что надо кузнецу.

– Не волнуйся, – постарался успокоить её кузнец, – здесь нет ничего страшного. Я полностью отвечаю за жизнь и здоровье твоего гостя.

Его слова успокоили хозяйку, и она не стала возражать. Честнее и смелее в городе не было человека.

– Мой племянник Сид рассказал всё, что видел сегодня днём, и я понял, что во всём городе нет человека искуснее тебя, – продолжил разговор кузнец.

Арни попытался возразить. Но кузнец его остановил:

– Мой племянник еще совсем ребенок и шалун, но добрая душа. Нет мальчишки честнее его, он тянется ко всему хорошему. Если ему нравится человек, то это неспроста. Да, конечно, он мал, но смел и правдив, и я ему верю, как себе.

Тетушка поддержала кузнеца.

– Твой племянник прав, – сказала она и подвела кузнеца к стене, на которой висел ее портрет.

Рисунок художника был необычным. Тетушка сначала не поверила, что это она. Когда художник уснул, она несколько раз подходила к старому зеркалу, завешанному белыми кружевами, сплетенными ей самой, и сравнивала портрет со своим отражением. С каждым разом отражение все больше напоминало рисунок. Лицо все более свежело, и не только глаза, но и губы озаряла улыбка. Внутреннее чутье художника видело истинную красоту человека. Он написал портрет, почти не глядя на нее, а просто чувствуя ее красоту. И тогда она поняла, что он искуснейший мастер. Да и как можно было в этом усомниться, когда за несколько минут он смог так изобразить человека, что было ясно не только, кто онно и какой у него характер. ,

Кузнец удивился, увидев это доброе лицо, такое родное и такое незнакомое на листе обычной бумаги. Удивительно, но этот листок изменил ее.

Будто в подтверждение его мыслей, тетушка улыбнулась и стала подниматься по лестнице с такой легкостью, что это поразило не только кузнеца, но и художника.

Казалось, что за какие-то несколько часов она помолодела на несколько лет.

– Но это еще не все, – сказала она. Уже на верхней ступеньке она позвала за собой кузнеца. Он не торопился, боясь поломать древние ступеньки в ее доме. Они жалобно скрипели, но держали его могучее тело:

– Надо будет в твоём доме, тетушка, поменять старые ступени на новые, понадежнее. Твой дом все больше усыхает, как старик. А ведь я помню те дни, когда входил в твои хоромы, как в залы дворца, и мне было свободно и легко. Да твой дом от печалей состарился больше, чем ты сама.

Арни шел следом за ними, с интересом наблюдая, как этот большой человек осторожно поднимается вверх, стараясь не касаться попадающихся ему на пути предметов, боясь неловким движением разрушить или поломать их.

– Да, было время, когда я легко проходил по твоим лестницам, – продолжал кузнец.

Тетушка Цили только грустно улыбнулась, вспоминая прошлую жизнь. Втроем они поднялись в комнату ее сына и остановились. Кузнец боялся пошевелиться, плохо зная, где в этой неосвещенной комнате стоят вещи. Тетушка подошла к окну и, поглядывая на кузнеца, сняла с плеча свой черный платок и завесила им проем окна, боясь, что свет проникнет на улицу. В комнате стало еще темнее. Единственной живой вещью до сегодняшнего дня в комнате был цветок, который издавал неповторимый аромат и заполнял своим дыханием всю комнату. Кузнец совсем растерялся:

– Почему ты не взяла свечу? Как бы я тут чего не переломал!

Хозяйка ничего ему не отвечала, а продолжала копошиться в темной комнате у окна. Только по звуку можно было догадаться, что она делает.

Внезапный яркий свет раздвинул пространство комнаты и ослепил всех стоящих. Кузнец забыл, где он и как оказался здесь, в чудесном саду с колышущейся нежной травой и летающими

перламутровыми бабочками посреди голубого, сияющего неба и сказочных деревьев. Кузнец попытался спрятаться от непривычно яркого света в тени стоящих деревьев, но у него ничего не получилось. Его руки упирались в каменную стену. Он был удивлен и стал припоминать, что уже видел такой сон, но очень давно, в другой жизни.

– Как? Кто это сделал? – удивлялся он, ходя кругами по маленькой комнате и глядя то на тетушку, то на художника. Тетушка только улыбалась, видя, как изменилось обычно суровое лицо кузнеца. Ее улыбка еще больше удивила кузнеца. Только очень искусный человек смог бы заставить улыбаться человека, у которого горе. Тетушка показала на художника, создавшего это виденье. Плэй не переставал удивляться;

– Но когда ты успел? Ты ведь только сегодня пришел в наш город!

Арни, не привыкший к таким похвалам, перевел разговор на другую тему:

– За это спасибо не мне, а тетушке. Если бы не ее цветок, – художник подошел к окну и приподнял платок, из-под которого засиял алый полузакрытый бутон, – я не смог бы сделать того, что ты видишь.

Для Плея это было полной неожиданностью:

– Вечер чудес! Но как тебе удалось сохранить такое сокровище, Цили? – спросил кузнец. – Это тот самый цветок, который ты посадила двадцать лет назад?

– Да это он! – улыбнулась тетушка. – Но этот цветок не простой. При первых лучах света он раскрывается, а на ночь складывает свои лепестки-ладошки и становится незаметным, как тень. Он закрывается и при опасности, которую чувствует лучше человека. Этот алый зонтик сейчас не чувствует опасности и, как видите, спокойно поворачивается к свету. Ему сейчас хорошо, – говорила тетушка, нежно поглаживая лепестки своего цветка.

Лепестки бутона полностью раскрылись, и из цветка выпорхнул счастливый птицесвет. Сделав круг по комнате, он опустился на подоконник.

– Во всем городе нет дома, чудеснее твоего, – сказал кузнец. – Уже много лет я не видел ничего подобного. Вы самые счастливые из всех нас, – говорил он, уже спускаясь по лестнице. Тетушка пошла следом за ним, продолжая беседу:

– Ты приходи к нам чаще. Мы можем вместе любоваться работой Арни.

– Я готов ходить к вам хоть каждый день, но меня вновь завалили работой. Сегодня прозвучал новый указ. Работы с каждым днем становится все больше. Такой заказ за неделю не сделаешь. Приходится работать в кузнице целыми сутками. Порой сплю там же. Не могу не то что выйти в город, но даже увидеть свою дочь. Вот и сейчас нужно идти, уже поздно, время не ждет.

Плэй торопился, желая добраться до дома, не попав в цепкие лапы стражников. Он пожал руку художника и распахнул входную дверь, продолжая восхищаться мастерством своего нового знакомого. Но не успел он выйти на порог, как его остановила хозяйка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.